

ИССЛЕДОВАНИЯ

К 200-летию
первого издания
«Слова о полку Игореве»

Л. В. СОКОЛОВА

Святослав Всеволодович Киевский и его «злато слово» в «Слове о полку Игореве»

«Слово о полку Игореве» состоит из зачина, трех повествовательных частей и концовки. Вторая, центральная, часть повествования включает 6 фрагментов: 1) сон Святослава, толкуемый боярами; 2) горестные размышления Святослава по поводу поражения Игоря и нашествия половцев на Русь; 3) пять однотипных обращений к князьям с призывом встать на защиту Русской земли; 4) повествование о полоцких князьях и призыв к ним прекратить междоусобицы; 5) повествование о полоцком князе XI в. Всеславе; 6) авторское горестное восклицание-резюме о разрозненности русских князей, несогласованности их действий, с упоминанием Рюрика и Давида.

Вопрос о том, какие фрагменты второй части входят в «злато слово» Святослава, широко обсуждался в науке,¹ но до сих пор не решен. Первые издатели, Н. М. Карамзин, Н. Ф. Грамматин, В. В. Каллаш, П. В. Владимиров, В. Н. Перетц, А. К. Югов, Н. К. Гудзий (в статье 1947 г.), Д. С. Лихачев (в работах 1950 г.), В. И. Стеллецкий, О. В. Творогов, Б. А. Рыбаков (в работах 1972 и 1991 гг.), Н. А. Мещерский и другие включают в «злато слово» только второй фрагмент;² Е. В. Барсов, С. К. Шамбинаго, Иван Новиков и другие включают в «злато слово» второй и третий фрагменты,³ Георгий Шторм, И. П. Еремин, А. П. Комлев и К. К. Белокуров — второй, третий и четвертый фрагменты;⁴ Н. С. Демкова — второй, тре-

¹ Краткое изложение истории вопроса см.: Творогов О. В. Злато слово // Энциклопедия «Слова о полку Игореве»: В 5 т. СПб., 1995. Т. 2. С. 227—229. Подробный историографический обзор точек зрения по этому вопросу до 1947 г. см.: Гудзий Н. К. О составе «золотого слова» Святослава в «Слове о полку Игореве» // Вестн. МГУ. 1947. № 2. С. 19—32.

² При этом все перечисленные исследователи, кроме Д. С. Лихачева и О. В. Творогова, исключают из «злата слова» две последние фразы второго фрагмента: «Се у Римь... туга и тоска сыну Глебову!». А. В. Лонгинов еще более укорачивал текст «злата слова», полагая, что словами «А чи диво...» начинается уже авторская речь.

³ Ив. Новиков окончание обращения к Роману «Нъ уже, княже... dospѣли на брань» считал не словами Святослава, а репликой бояр, вероятно, из-за обращения «княже». Со словом «княже» Святослав обращается здесь к Роману, призывая его на южные границы Русской земли. Другие же исследователи даже переносили эти слова за пределы «злата слова» (А. А. Потебня, Е. А. Ляцкий, Г. Шторм). Е. А. Ляцкий предлагал и еще одну перестановку: слова о Ярославе Черниговском помещал после обращения к Всеволоду.

⁴ Г. Шторм и И. П. Еремин из четвертого фрагмента включали в речь Святослава только обращение к полоцким князьям, а повествование о них считали авторским отступлением. При этом попытку точно указать границу «злата слова» Святослава И. П. Еремин считал «бесплодной» (см. примеч. 18).

тий, четвертый и пятый фрагменты; А. С. Шишков, В. А. Жуковский, Д. Н. Дубенский, А. Н. Майков, В. Ф. Ржига, А. С. Орлов, Б. И. Яценко и другие — второй, третий, четвертый, пятый и шестой фрагменты, т. е. весь текст второй части, начиная со второго фрагмента; А. А. Потеня и Е. А. Ляцкий включали в «злато слово» второй и третий фрагменты и шестой фрагмент, перенося его из конца второй части и помещая после третьего фрагмента.

В последнее время (с середины 40-х гг нашего столетия) возобладала точка зрения, согласно которой «злато слово» Святослава — это его упреки в адрес Игоря и Всеволода (второй фрагмент), а обращения к князьям (третий фрагмент) не входят в «злато слово» Святослава. Это влечет за собой ряд далеко идущих выводов. На наш взгляд, эта точка зрения неверна.

Задача нашей статьи заключается в том, чтобы более прочно обосновать точку зрения Е. В. Барсова, включавшего в «злато слово» второй и третий фрагменты.

Вначале выскажем соображения, по которым четвертый и пятый фрагменты, посвященные полоцким князьям, а следовательно, и шестой фрагмент нельзя включать в «злато слово». С этой целью прежде всего уточним статус киевского князя Святослава Всеволодовича.

По мнению Б. А. Рыбакова, во второй половине XII в. «Киев уже не был столицей всех Русских земель. Он превратился в столицу одного из княжеств и находился почти в равных условиях с такими городами, как Галич, Чернигов, Владимир-на-Клязьме, Новгород, Смоленск. Отличала Киев от этих городов лишь его историческая слава и положение церковного центра всех Русских земель».⁵ «В характеристике Святослава, — по словам Б. А. Рыбакова, — нет ничего, что говорило бы о его первенствующем положении среди князей, о каких бы то ни было его великокняжеских правах».⁶ Более того, подчеркивает Б. А. Рыбаков, почти всю вторую половину XII в. в самом Киевском княжестве действовала по инициативе киевского боярства политическая система соправительства двух князей. В 80-е гг. Киевской землей владели представители двух враждовавших княжеских линий: Ольговичей (Святослав Всеволодович) и Мономашичей (Рюрик Ростиславич). Святослав был киевским князем. Всеи остальной «Русской землей» (так называется Киевская земля в летописи) владел Рюрик, сидевший в Белгороде.

Признавая, что Святослав Всеволодович Киевский не был феодальным главой, сюзереном всех русских князей (это означает, что он не имел права распоряжаться княжескими столами, «князьям города рядить»), и то, что его владения не выходили за границы Киева, мы должны учитывать, что Святослав, как киевский князь, был признан «старейшиной» русских князей, старшим в княжеском роде: в 1180 г. Рюрик Ростиславич, занявший киевский престол, вынужден был уступить Святославу «старѣшиньства и Киева», «бѣ бо Святославъ старѣи лѣты», «а собѣ возя всю Рускую землю» (см. Ипатьевскую летопись под 1180 г.). По словам А. Поппэ, во второй половине XII в. киевский князь все еще признавался, по крайней мере номинально, главным (верховным) князем Руси, в том числе и Византией, именовавшей киевского князя с середины XII в. верховным правителем всей Руси (μεγας ἀρχων λασης 'Ρωσίας) с целью

⁵ Рыбаков Б. А. Киевская Русь и русские княжества XII—XIII вв. М., 1982. С. 488

⁶ Рыбаков Б. А. Русские летописцы и автор «Слова о полку Игореве». М., 1972. С. 497—498

поддержать киевского князя и сохранить тем самым единство митрополии на Руси.⁷

А. Поппэ высказывает мысль, что указанием на старейшинство киевского князя Святослава служит определение «великий» при его имени, дважды употребленное в «Слове о полку Игореве» («Святъславъ грозный великийи Киевский»; «Тогда великийи Святъславъ изрони злато слово...») и однажды в Новгородской 1 летописи при описании событий 1180—1181 гг. («И вниде Святославъ великийи Всеволодиць Новугороду»). По мнению А. Поппэ, определение «великий» в этих примерах имеет значение «начальствующий, старший». На наш взгляд, определение «великий» используется в приведенных примерах скорее в качестве эпитета со значением «выдающийся, прославленный», наряду с эпитетом «грозный», поскольку в «Слове о полку Игореве» подчеркивается именно полководческий статус, полководческий талант Святослава. А. Поппэ мог привести более удачный пример: Святослав несколько раз назван «великим князем» в Ипатьевской летописи, в повествовании за 1183—1185 гг. Однако термин «великий князь» не служит здесь указанием на старейшинство Святослава, поскольку «великим князем» летописец называет одновременно и Рюрика Ростиславича, соправителя Святослава. По словам А. Е. Преснякова, автора основательного исследования об институте старейшинства в Древней Руси XI—XII вв., «старейшинство... никогда в памятниках Киевской Руси не обозначается термином „великое княжение“».⁸ Старейшинство в русских князьях не нуждалось в специальных указаниях, так как было сопряжено с Киевом: кто занимал киевский стол, тот получал и старейшинство в русских князьях (эта традиция киевского старейшинства была нарушена только Андреем Боголюбским, который, захватив Киев и получив тем самым старейшинство в князьях, не остался на киевском столе, хотя и распоряжался им).

Следует, вероятно, различать, разграничивать термины «старейшина» и «великий князь». Как показал А. Е. Пресняков, понятие старейшинства возникло в связи с завещанием («рядом») Ярослава, разделившего свои владения между тремя старшими Ярославичами и завещавшего Киев и роль старейшины («в отца место») старшему сыну, Изяславу. Роль старейшины заключалась в сохранении некоего политического единства, политического целого Русской земли. При раздельности владений предполагались, под руководством старейшины в русских князьях, совместные, общие действия по обороне Русской земли и по решению внутренних дел ее, прежде всего сохранению мира между князьями. Таким образом, старейшинство не означало сюзеренитета над остальными князьями, не связывалось с владельческими отношениями. Термин «старейшина» означал старшинство *в княжеском роде*: киевский князь был старейшиной всего рода Рюриковичей; свой старейшина появляется в XII в. и у каждой из

⁷ Poppe Andrzej. On the Title of Grand Prince in the Tale of Ihor's Campaign // Harvard Ukrainian Studies. 1979—1980. Vol. 3—4. P. 684—689. А. Поппэ сослался при этом на мнение Д. С. Лихачева, еще в 1950 г. очень точно охарактеризовавшего статус Киева и киевского князя в XII в.: «Киев и в XII в. продолжал считаться, если и не реально, то в каком-то идеальном смысле, центром Руси, а киевский князь — главою всех русских князей». См.: Лихачев Д. С. Комментарий исторический и географический // Слово о полку Игореве. М.; Л., 1950. С. 422 (Серия «Литературные памятники»).

⁸ Пресняков А. Е. Княжое право в древней Руси. Очерки по истории X—XII столетий. СПб., 1909. С. 62. Переиздано: М., 1993. А. Е. Пресняков добавляет в примечании: «Старшие летописные своды не знают термина „великий князь“ для обозначения какого-либо явления между княжеских отношений, и когда историки рассуждают о великокняжеской власти в древней Руси, то касаются темы, в сущности, чуждой древнерусской жизни».

обособившихся ветвей княжеского рода Ольговичей, Мономашичей («Владимирова племени»), полоцких Всеславичей и т. д.

Термин «великий князь» («великий» здесь — в значении «старший») обозначал, вероятно, князя, занимавшего *старший в иерархическом отношении* княжеский стол. Для периода единства Русской земли — это «золотой» киевский стол. Для периода феодальной раздробленности — это старший княжеский стол *многосоставной «земли»*.⁹ Б. А. Рыбаков указал на именованье в XII в. «великим князем» черниговского князя Владимира Давидовича на известной серебряной чаше 1152 г. (ни он сам, ни его отец никогда не были киевскими князьями). Рюрик Ростиславич именуется «великим князем» не только после 1194 г., когда умер его соправитель Святослав, но и до этого, когда Рюрик владел Киевской областью, а в Киеве сидел Святослав. «Великим князем» именовался в конце XII в. и Всеволод Суздальский, который первым стал использовать этот термин в качестве титула, подчеркивавшего суверенность правителя.

Б. А. Рыбаков, указав на эти примеры, высказал мысль, что «великими князьями» в XII в. именовали «владетелей больших, многосоставных земель».¹⁰ Но с этим трудно согласиться, поскольку князья владели отдельными волостями-княжествами, составлявшими многосоставную «землю», что специально подчеркивал А. Е. Пресняков.

Киевский «великий» стол сохранил свое особое значение и в период феодальной раздробленности. Киевское княжество в XII в. не превратилось в отчину одной княжеской ветви. Ольговичи трижды (в 1154, 1174, 1195 гг.) упорно отрицают исключительность отчинных прав на Киев потомков Мономаха. А. Е. Пресняков справедливо отрицал якобы связанную с киевским столом «великокняжескую» власть.¹¹ Но киевский стол давал право на почетную роль старейшины в русских князьях.

Традиция киевского старейшинства была жива и во второй половине XII в., во время киевских княжений Ростислава Мстиславича, Мстислава Изяславича, Святослава Всеволодовича, но положение старейшины в это время, по словам А. Е. Преснякова, было иным: «положение это далеко от роли руководителя дел земли русской, кроме дел половецких. Ростислав, как, следом за ним и с удвоенной энергией, Мстислав Изяславич, ведут тяжкую оборону против степи».¹² Ту же роль выполнял в качестве старейшины русских князей и Святослав Всеволодович, сидевший в течение 13 лет на киевском столе в почетной роли патриарха, каким изображает его автор «Слова о полку Игореве».

Итак, на киевского князя Святослава как на «старейшину» возлагались, в частности, обязанности организатора обороны Русской земли в узком смысле слова, т. е. южнорусских княжеств (к которым кроме Киевского относились также Черниговское, Новгород-Северское и Переяславское княжества). (Западную границу Руси стерег Ярослав Галицкий,

⁹ Как отметил М. С. Грушевский, «в XI в., можно сказать, „земля“... соответствует княжению. В XII в. каждая земля, за немногими исключениями, превращается в целую политическую систему, с целю группою княжений, ... большими и меньшими политическими центрами» (цит. в переводе А. Е. Преснякова. См.: Пресняков А. Е. Княжое право в древней Руси. С. 117).

¹⁰ Рыбаков Б. А. Петр Бориславич: Поиск автора «Слова о полку Игореве». М., 1991. С. 124.

¹¹ А. Е. Пресняков отрицал великокняжескую власть киевского князя над другими русскими княжествами на том основании, что Киев был центром политической власти только для небольшой Киевской волости, «остальные — никогда не управлялись из Киева, даже те, какие принадлежали в данное время киевскому князю, сажавшему по городам сыновей или посадников». См.: Пресняков А. Е. Княжое право в древней Руси. С. 62.

¹² Там же. С. 106.

преграждая путь венгерскому королю, на востоке укрощал волжских болгар Всеволод, полоцкие и волынские князья и Новгородская земля сражались на севере против литовских племен и чуди.) Во всяком случае, походы на половцев, которые рассматривались как активная и наиболее действенная оборона, возглавлял в 1183—1184 гг. именно Святослав.

Святослав Всеволодович был, кроме того, на правах старшего в роде, главой, сюзереном всех Ольговичей, владевших крупным Черниговским и Новгород-Северским княжествами. Сошлемся здесь на мнение Б. А. Рыбакова, который пишет: «На самого великого князя киевского поэт смотрит не как на общерусского сюзерена, а лишь как на полководца, осуществляющего общерусские походы против половцев. Игорь и Всеволод названы „сыновцами“ (хотя были двоюродными братьями) Святослава не по его великокняжескому месту в Киеве, а по положению Святослава как старейшего в Ольговичах и сохранявшего домениальные права в Левобережье».¹³ По всей вероятности, как «старейшина» Святослав созвал в 1180 г. в Любече съезд всех Ольговичей после смерти в 1179 г. Святослава Ольговича, отца Игоря и Всеволода, на котором произошло перераспределение владений между Ольговичами: Святослав наконец, на пятом году своего великого княжения, расстался с Черниговом, уступив его брату Ярославу; князем северским стал Игорь Святославич.

Таким образом, именно Святослав Всеволодович, старейшина русских князей и старейшина Ольговичей, отвечал в первую очередь за безопасность Южной Руси и за действия своих вассалов, князей-Ольговичей. Поэтому Святослав, только что узнав от бояр о том, что полки Игоря разбиты, что все четыре князя-Ольговича, участвовавшие в походе, взяты в плен, что половцы уже «прострошася» по «Русской земле», и ему необходимо срочно организовать оборону «Русской земли» — как Киевского княжества, так и оставшегося без князей и без дружин Северского княжества, вправе и даже обязан призвать русских князей к борьбе с врагом. Но трудно себе представить, чтобы он в этой ситуации стал рассуждать о междоусобицах полоцких князей, позволяющих литовцам разорять Полоцкую землю, призывать полоцких князей прекратить эти междоусобицы и уж тем более рассуждать о полоцком князе XI в. Все славе, безуспешно пытавшемся расширить свои владения. Если бы даже киевский князь был, как прежде, «цесарем» всей Русской земли в широком смысле этого слова, ответственным за всю Русскую землю, то и тогда фрагмент о полоцких князьях в *тех обстоятельствах* был бы невозможен в его устах.

Фрагмент о полоцких князьях включался некоторыми исследователями в речь Святослава на том основании, что он тоже содержит обращение к князьям. Одни при этом считают, что это обращение адресовано полоцким князьям, а другие, вслед за Д. С. Лихачевым, рассматривают его как финальное обращение ко всем русским князьям: внукам Всеслава (полоцким князьям) и внукам Ярослава Мудрого (т. е. всем остальным русским князьям). А. П. Комлев и К. К. Белокуров пишут в совместной статье: «В целом это воспринимается как финальное обращение ко всем действующим князьям „старейшины“ Святослава Киевского, заканчивающееся ударной фразой: „Котороу бо бше насиле оть земли Половецкыи!“. Именно здесь финал „злата слова великого Святослава“. Этот обобщенный призыв органично завершает все конкретные призывы. ...Граница между прямой речью Святослава Киевского и дальнейшим ав-

¹³ Рыбаков Б. А. Русские летописцы и автор «Слова о полку Игореве». С. 498.

торским текстом обозначена достаточно выразительно — следующее повествование отнесено к иному историческому времени.¹⁴

Прежде всего попытаемся показать, что призыв во фрагменте о полоцких князьях обращен именно к полоцким князьям и не носит обобщающего характера. Д. С. Лихачев, предлагая вместо «Ярославе и вси внуце Всеславли!» читать: «Ярославли и вси внуце Всеславли!» (или. «Ярославли вси внуце и Всеславли»), видит здесь обобщающее обращение ко всем русским князьям, как Ярославичам, так и Всеславичам.¹⁵ Но из содержания призыва ясно, что обращен он именно к полоцким князьям,¹⁶ поскольку автор упрекает их в том, что они своими междоусобицами начали наводить «поганных» (литовцев) на землю Русскую, на достояние («жизнь») Всеслава, и тем самым «выскочили» из дедовской славы, т. е. славы Всеслава, пытавшегося расширить свои владения, бравшего Новгород, сидевшего, хоть и недолго, на киевском столе, о чем далее и повествует автор «Слова». Кроме того, обращение к полоцким князьям следует после рассказа о том, как городенскому князю Изяславу Васильковичу, правнуку Всеслава, пришлось одному сражаться с литовцами и погибнуть, не было с ним его братьев ни Брячислава, ни Всеволода; этим рассказом автор показывает несогласованность действий полоцких князей, тем самым открывавших ворота Полоцкой земли для литовцев. В XII в., после смерти Всеслава Полоцкого и последовавшего за ней разделения Полоцкого княжества на уделы, в Полоцкой земле действительно не прекращались междоусобицы потомков Всеслава Брячиславича, и именно они были актуальны в это время, а не усобицы между Ярославичами (разделившимися в XII в. на две противоборствующие ветви: Мономашичи и Ольговичи) и Всеславичами, которые с середины XII в. вошли в коалицию с одной из ветвей Ярославичей — Ольговичами, выступая против Мономашичей. Автор обращается, вероятно, к старейшине полоцких князей — Ярославу Глебовичу Минскому, дяде упоминаемых им Васильковичей и жены Святослава Киевского,¹⁷ и всем остальным внукам Всеслава

¹⁴ Комлев А. П., Белокуров К. К. «Слово о полку Игореве» Заметки об исторических временах и лирических пространствах // Слово о полку Игореве Древнерусский текст и переложения Свердловск, 1985 С. 179

¹⁵ Лихачев Д. С. Комментарий исторический и географический // Слово о полку Игореве М., Л., 1950 С. 450—452 См. также Лихачев Д. С. Исторический и политический кругозор автора «Слова о полку Игореве» // Слово о полку Игореве Сб. исследований и статей М., Л., 1950 С. 15—16

¹⁶ Л. А. Дмитриев (Комментарии к тексту «Слова о полку Игореве» // Слово о полку Игореве Л., 1952 С. 280) пишет «Обращаясь ко всем русским князьям, автор не мог им сказать „уже понизите стяжи свои, вонзите свои мечи верезени“, кроме того, в конце XII в. потомков Ярослава называли не ярославичами, а ольговичами и мономаховичами, затем фраза ниже „вы бо своими крамолами начяте наводити поганяна на землю Рускую, на жизнь Всеславлю“ могла быть обращена лишь к какой-то группе князей, а не ко всем русским князьям, в данном случае к полоцким князьям, так как говорится о Всеславе»

¹⁷ По поводу того, какой Ярослав упомянут здесь, высказывались разные точки зрения. Принимаем точку зрения А. В. Соловьева (см. Soloviev A. V. Encore deux glosses sur Le Dit d'Igor II Jaroslav et les petits-fils de Vseslav // For Roman Jakobson Essays on the Occasion of his Sixtieth Birthday The Hague, 1956 P. 478—484) Ярослав Глебович, предположительно старейшина полоцких князей, упоминается в Ипатьевской летописи под 1160 г. с искажением имени «на Рославнаго» (вариант — Ярославнаго), вероятно, вместо «на Ярослава». Но в том же контексте он упоминается В. Н. Татищевым в «Истории Российской» «Рохволд Борисович полоцкий ходил на Ярослава Глебовича с войском к Минску» (Татищев В. Н. История Российской М., 1964 Т. 3 С. 69) Б. А. Рыбаков, поддержавший конъектуру Д. С. Лихачева, возражал А. В. Соловьеву «Остается неясным, почему этот второстепенный князь сопоставлен со всеми внуками Всеслава — он княжил в захудалом пограничном городке и не влиял на дела Полоцка» (Рыбаков Б. А. «Слово о полку Игореве» и его совре-

Обращение к полоцким князьям не входит в «злато слово» Святослава, оно не является единым целым с предыдущими пятью обращениями к князьям, поскольку: 1) это обращение отделено от предыдущих пяти обращений, следующих одно за другим, большим повествовательным фрагментом о полоцких князьях;¹⁸ 2) по содержанию оно совершенно иного рода: полоцкие князья не призываются к защите южных границ в конкретной ситуации 1185 г., они призываются к прекращению междоусобиц, что обеспечит безопасность северных границ от других «поганных» — литовцев; 3) по форме обращение к полоцким князьям тоже иного рода; здесь нет характерных для третьего фрагмента дифирамбов князьям и их дружинам, за которыми кроются ирония и упреки; 4) по наблюдению Б. А. Рыбакова, обращение к полоцким князьям выпадает из того строгого порядка, в котором поименованы князья в третьем фрагменте: там они перечислены в строгом соответствии с генеалогическим старшинством;¹⁹ 5) в устах Святослава призыв к полоцким князьям прекратить междоусобицы выглядел бы странно, поскольку он сам в них участвовал: в 1180 г. Святослав и Ярослав Всеволодовичи вместе с Игорем Святославичем Новгород-Северским участвовали в битве у Друцка на стороне шурьев Святослава, братьев его жены, — Васильковичей, напавших на Глеба Рогволодовича.

Именно автор как государственный озабочен судьбой, безопасностью всех Русских земель, куда он включает и Полоцкое княжество. «Русская земля» (в широком значении) и «жизнь (достояние) Всеславля» для него соотносятся как родовое и видовое понятия. И поэтому после рассказа о половецком нашествии на южнорусские земли летом 1185 г., ставшем возможным из-за несогласия русских князей, автор обращает свой взор к севернорусским землям. Переход в повествовании от южных границ Руси к северным четко обозначен фразой: «Уже бо Сула не течеть серебряными струями къ граду Переяславлю, и Двина болотомъ течеть онымъ грознымъ полочаномъ подь кликомъ поганныхъ». Пограничная Сула на юге и пограничная Двина на севере — вот, по выражению Рыбакова, «два фронта войны с „поганными“». Киевская и Полоцкая земли показаны в поэме, по выразительному сравнению Б. А. Рыбакова, «как два разных берега Русской земли, омываемых враждебным морем „поганных“ племен: литовских на северо-западе и половецких на юге».²⁰ Автор «Слова» предупреждает полоцких князей на примере южных княжеств, к какой серьезной опасности ведут междоусобицы: «Которою бо бѣше насилие отъ земли Половецкыи!». Автор не случайно обращается к полоцким кня-

менники. С. 87, примеч. 4). Ярослав не сопоставляется с полоцкими князьями, не противопоставляется им, он назван как их старейшина, он — дядя Васильковичей. К нему и ко всем остальным полоцким князьям автор обращается с призывом прекратить междоусобицы, наводящие на Полоцкую землю литовцев.

¹⁸ Данное обстоятельство не случайно смущало тех исследователей, которые включали фрагмент о полоцких князьях в речь Святослава. И. П. Еремин, например, закрывший кавычки при издании текста после обращения к полоцким князьям, утверждал при этом, что автор систематически перебивает речь своего героя, то отбирая у него «злато слово», то возвращая назад. «Вот почему, — продолжал Еремин, — попытка точно указать, где именно кончается „злато слово“ Святослава, представляется мне бесплодной» (Еремин И. П. «Слово о полку Игореве» как памятник политического красноречия Киевской Руси // Слово о полку Игореве: Сб. исследований и статей. М.; Л., 1950. С. 110).

¹⁹ Б. А. Рыбаков (Русские летописцы и автор «Слова о полку Игореве». С. 495—496) пишет: «Если мы расположим всех князей, упомянутых в „златом слове“ (кроме полоцких), в порядке генеалогического старшинства, то увидим, что поэт строжайшим образом следовал этому старшинству и его порядок есть порядок генеалогический».

²⁰ Рыбаков Б. А. Русские летописцы и автор «Слова о полку Игореве». С. 489.

зьям. По его мнению, наибольшей опасности подвергались в 1185 г. южные и северные земли. Восточные границы надежно охранялись Всеволодом Суздальским, западные — Ярославом Галицким, о чем автор упоминает в обращениях к этим князьям. Именно автор, создававший свое произведение о *всей* Русской земле, ее прошлом, настоящем и будущем, говорит в «Слове» о полоцких князьях, в том числе Всеславе Полоцком. Все временные регрессии повествования принадлежат в «Слове» автору. Исторические экскурсы об Олеге и Всеславе имеют многочисленные переключки, автор сопоставляет двух этих князей. О том, что фрагмент о Всеславе авторский, говорит и припевка Бояна о нем, приведенная, конечно же, автором, на что обратил внимание П. В. Владимиров.²¹

* * *

Перейдем теперь к вопросу о том, включать или не включать в «злато слово» Святослава третий фрагмент — пять однотипных обращений к одиннадцати русским князьям с призывом принять участие в обороне Русской земли от половецкого нашествия и отомстить «за раны Игоревы».

Прежде всего попытаемся разобраться, насколько важен этот вопрос. Вопрос этот в известной мере условный, поскольку в любом случае призывы принадлежат автору «Слова», сочинены им; разница лишь в том, от чьего имени звучат эти призывы: вложены они автором «Слова» в уста великого киевского князя Святослава или автор произносит их от своего имени. Означает ли это, что вопрос о составе «злата слова» не принципиальный и нет смысла по нему дискутировать, как считал Л. В. Кулаковский?²²

По нашему мнению, вопрос о том, произносит ли Святослав призывы к князьям или только упрекает участников похода за своеволие, носит принципиальный характер. От решения этого вопроса зависит интерпретация образа Святослава Всеволодовича Киевского. В том случае, если мы включаем третий фрагмент в «злато слово» Святослава, перед нами — великий киевский князь, прославленный автором за победоносные походы против половцев 1184 г., который и теперь, подобно старому соколу, способен побеждать врагов и не дать гнезда своего в обиду. Все дело лишь в князьях, которые не всегда помогают ему в этом. К ним и обращены призывы киевского князя «загородить полю ворота». Если же мы не включаем третий фрагмент в «злато слово» Святослава, то перед нами еще недавно «грозный и великий», а теперь растерявшийся и беспомощный князь, не способный возглавить оборону Русской земли. По словам В. В. Каллаша, «при виде изнемогающего и отчаивающегося князя у поэта невольно вырывается ряд восклицаний и обращений к князьям, на которых мог и должен был рассчитывать Святослав».²³

Эта зависимость образа Святослава от состава «злата слова» была отмечена давно. Аполлон Майков в 1870 г. писал: «Непонятно, как

²¹ Владимиров П. В. Древняя русская литература Киевского периода XI—XIII веков. Киев, 1900. С. 302.

²² Л. В. Кулаковский (Песнь о полку Игореве: Опыт воссоздания модели древнего мелоса. М., 1977. С. 94) пишет: «Нет смысла дискутировать, идут ли эти обращения от имени самого Святослава (составляя продолжение его «золотого слова») или от имени певца... Важно одно: в идейно-смысловом отношении эти обращения логически вытекают из „золотого слова“, структурно примыкают к нему».

²³ Каллаш В. В. Несколько догадок и соображений по поводу «Слова о полку Игореве» // Юбилейный сборник в честь В. Ф. Миллера. М., 1900. С. 346.

С. П. Шевырев, обладавший таким поэтическим тактом, настаивает, что все равно, от лица ли Святослава это воззвание, или от лица певца. Совершенно не все равно! Если мы возвратим эти слова (призывы к князьям. — Л. С.) Святославу, то посмотрите, что за величественный, Приамовский образ выходит из этого старца!». ²⁴ Н. К. Гудзий, утверждавший, что «страстный призыв к наиболее сильным русским князьям вступить за землю Русскую и за раны Игоря Святославича... исходит из уст автора», пишет в своей статье 1947 г.: «Пусть при этом несколько проиграет в своей эпической силе, говоря словами А. Майкова, „приамовский образ“ киевского князя Святослава, но зато насколько — и притом по праву и по заслугам — выиграет образ автора „Слова“, великого поэта и великого гражданина, все богатство своего художественного таланта и всю силу своего публицистического темперамента отдавшего на служение Русской земле!». ²⁵

Соображения А. Н. Майкова представляются нам убедительнее соображений Н. К. Гудзия. Автор поэтического произведения не может соперничать со своим героем. Выигрывает герой — выигрывает его создатель, проигрывает герой — проигрывает и создавший его автор. «Страстные призывы», вложенные в уста героя, не перестают принадлежать автору и характеризовать его как великого гражданина и великого поэта. Если же мы неверно истолкуем и тем самым исказим образ киевского князя, то автор не выиграет, а проиграет, поскольку проиграет созданное им произведение. Если признать, что призывы приносятся автором от своего имени, то образ Святослава проигрывает не потому даже, что теряет «эпическую силу», а прежде всего потому, что перестает быть цельным, символическим, становится непонятной роль, отведенная ему автором «Слова», неоправданными такие определения, даваемые ему исследователями «Слова», как «рупор авторских идей», «символ государственной власти, мудрости». Поэтически неоправданными становятся авторские повествования о победоносных походах Святослава, о его «государственном» вещем сне (вспомним: если ружье висит на сцене, то в последнем акте оно должно выстрелить!).

Итак, вопрос о нижней границе «злата слова» далеко не праздный, и обсуждение его должно быть продолжено.

* * *

Что же заставляет подавляющее большинство современных исследователей возражать против включения в «злато слово» Святослава призывов к князьям? Рассмотрим доводы сторонников этой точки зрения.

Первый и самый сильный довод выдвинул в 1816 г. Н. М. Карамзин в примечаниях к 3-му тому «Истории государства Российского»: «А. С. Шишков в примечаниях на „Слово о полку Игореве“ утверждает, что сочинитель не от себя величает сих князей, но именем Святослава: гордый владетель киевский не мог называть их своими господами или государями, как там сказано...». ²⁶ Слово «своими» свидетельствует о том, что Н. М. Карамзин понимал слово «господин» как выражение вассаль-

²⁴ Майков А. Н. Слово о полку Игореве (Несколько замечаний об этом памятнике) // Полн. собр. соч. 6-е изд., испр. и доп. автором. СПб., 1893. Т. 2. С. 557.

²⁵ Гудзий Н. К. О составе «золотого слова» Святослава в «Слове о полку Игореве». С. 30.

²⁶ Карамзин Н. М. История государства Российского. СПб., 1816. Т. 3, примеч. 262.

ной зависимости. В. В. Каллаш в 1900 г. уже прямо указывал на это: «Не думаем, чтобы старик и великий князь мог обращаться к другим князьям, большею частью молодым и подручным, . . . со словом „господин“, которое указывало на зависимость».²⁷ Ту же мысль высказал и А. А. Зимин: «Очень странно, — пишет он, — выглядят обращения Святослава к другим князьям. Так, для него Рюрик и Давыд „господина“, Ярослав Осмомысл — „господине“... Словом... „господине“ обозначалась только прямая зависимость».²⁸

На этом основании сторонники данной точки зрения считают, что обращения к князьям звучат от имени автора. Но решает ли это проблему? Нет, не решает, поскольку автор «Слова» не может называть своими господами сразу трех князей разных княжеств, быть в зависимости от трех господ, быть подданным сразу трех князей. Из этого следует вывод, что слово «господине» в обращениях к князьям не означает «прямой зависимости», ибо в этом значении оно неприемлемо не только для Святослава, но и для автора «Слова».

В каком же значении употребляется слово «господине» в обращении к князьям? И почему автор обращается со словом «господине» только к трем из одиннадцати князей, а именно к Рюрику, Давыду и Ярославу?

Прежде всего следует отметить, что словом «господине» здесь именуется вовсе не «большею частью молодые и подручные» князья, как ошибочно утверждал Каллаш, а владельцы крупных, самостоятельных княжеств: Рюрик, владевший всей Киевской землей, за исключением Киева, Давыд, владевший большим Смоленским княжеством, и Ярослав Осмомысл, владевший сильным Галицким княжеством.

Исследователи отмечали, что в обращениях к князьям последние перечислены в определенном порядке. По наблюдению Б. А. Рыбакова, порядок обращений безупречен с точки зрения феодального поколенного старшинства. Внутри одного колена так же строго соблюдается этот принцип (см. выше примеч. 19). Н. Ф. Котляр считает, что порядок имен выстроен в соответствии с могуществом княжеств и местом их суверенов на иерархической лестнице.²⁹ По всей вероятности, эта иерархия в зависимости от могущества князя, его княжества отражена и в форме обращений к князьям. В обращении к могущественному Всеволоду, князю Владимиро-Суздальскому, назван его титул: «великий князь». Всеволод первым из русских князей официально ввел и принял титул «великого князя».³⁰ Во владимирском летописании этот титул встречается с 1185 г. Владельцы сильных, самостоятельных княжеств (Рюрик, Давыд, Ярослав Осмомысл) названы «господами», т. е. крупными феодалами, сюзеренами. В конце XII в., по мнению В. Т. Пашуто³¹ и других историков, государственная структура Руси строилась на коллективном сюзеренитете наиболее сильных князей, имевших в своем подчинении князей-вассалов. Таким образом, русские князья в зависимости от своего могущества делились

²⁷ Каллаш В. В. Несколько догадок и соображений по поводу «Слова о полку Игореве» С 346

²⁸ Зимин А. А. Ипатьевская летопись и «Слово о полку Игореве» // История СССР 1968 № 6 С 61

²⁹ Котляр Н. Ф. Отражение в «Слове о полку Игореве» государственной структуры Руси эпохи феодальной раздробленности // Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования 1985 М., 1986 С 71

³⁰ До этого термин «великий князь» не являлся титулом, т. е. не был обязательным при именовании князя, и потому использовался в летописи непосредственно. Это мнение аргументировано, в частности, в упоминавшейся статье А. Поппэ (см. примеч. 7)

³¹ Пашуто В. Т. Черты политического строя древней Руси // Новосельцев А. П. и др. Древнерусское государство и его международное значение М., 1965 С 73—76

на сюзеренов («старших» князей) и их вассалов («младших», удельных князей).³² Сюзеренов, старших князей, и называет Святослав «господами». Слово «господин» являлось феодальным термином и означало, в частности, «крупный феодал, сюзерен».³³ Оно являлось характеристикой князя, указанием на его место в иерархической системе, на его суверенитет. Употребление слова «господин» в качестве термина со значением «крупный феодал, сюзерен, имеющий вассалов» вовсе не означает зависимости говорящего от того, к кому он обращается со словом «господине», а следовательно, возможно как в устах киевского князя Святослава, так и автора. Позднее именно в этом значении слово «господин» вошло в состав титула, что отражено в самоназвании «Задонщины»: «Задонщина великого князя господина Димитрия Ивановича и брата его князя Володимира Одрѣвича». Разумеется, слово «господин» в обращении вассала к сюзерену могло означать и признание вассальной зависимости.³⁴ Слово «господине» употреблялось также в качестве уважительного обращения.³⁵ В «Слове» это обращение Ярославны к ветру, Днепру, солнцу. На наш взгляд, в обращениях к князьям слово «господине» употреблено как термин, как обозначение статуса князей (крупный феодал, имеющий вассалов), а не как форма уважительного обращения (так считали Д. Н. Дубенский и А. Н. Майков).³⁶

Князья, владевшие отдельными городами Волынского княжества, т. е. удельные («младшие») князья — Роман Мстиславич и его двоюродные братья, сыновья Ярослава Луцкого — Мстислав, Ингварь и Всеволод, названы просто по имени. В дополнительном обращении к Роману использовано слово «княже». В 1185 г. даже Роман, старший среди волынских князей, княживший во Владимире-Волынском, был второразрядным кня-

³² Разумеется, старшие князья имели особые политические права. В этом отношении интересны сведения, сообщаемые В. Н. Татищевым. В 1203 г. Роман Мстиславич, став киевским князем, якобы предлагал такой проект выбора киевского князя в случае смерти его предшественника. Выбирать должны были шесть князей: суздальский, черниговский, галицкий, смоленский, полоцкий, рязанский. Таким образом, шесть названных плюс сам киевский князь — всего семь «старших» князей. Роман обвиняет «младших» князей, пытающихся захватить Киев, не имея сил для обороны. См. об этом: Рыбаков Б. А. Киевская Русь и русские княжества XII—XIII вв. С. 495—496.

³³ Г. Е. Кочин в «Материалах для терминологического словаря древней Руси» (М.; Л., 1937. С. 69) приводит следующие значения термина «господин»: феодал, сюзерен; господин раба, холопа; а также титул монарха, государя.

³⁴ Д. С. Лихачев (Общественно-политические идеи «Слова о полку Игореве» // ТОДРЛ. М.; Л., 1951. Т. 8. С. 25—26) проследил появление в летописи феодального термина «господин», выражающего вассальную зависимость. По его мнению, он стал впервые употребляться в летописи с середины 70-х гг. XII в. на северо-западе, вводится он Всеволодом Суздальским. Следует лишь отметить, что в сказании о Борисе и Глебе (XI в.) формула «отче и господине» используется по отношению к старшему в роде князю: Борис так обращается в плаче к умершему отцу, Глеб — к убитому Борису.

³⁵ В «Словаре русского языка XI—XVII вв.» (М., 1977. Вып. 4. С. 101) приводятся следующие значения слова «господин»: «Владелец, хозяин, господин; В составе обращения (как формула почтения, уважения, вежливости); В составе титула (как по отношению к светским, так и духовным лицам); Как почетный титул Новгорода и Пскова». «Словарь древнерусского языка (XI—XIV вв.)» (М., 1989. Т. 2. С. 366—367) дает следующие значения слова «господин»: «1. Владелец, хозяин; 2. Господин, повелитель; // форма почтительного обращения или упоминания».

³⁶ Д. Н. Дубенский, возражая Н. М. Карамзину, задавал риторический вопрос: «Господину разве не прилично равного себе называть Господином?». По его мнению, если бы слово «господин» выражало зависимость, то при нем было бы местоимение «мой» (Дубенский Д. Н. Слово о плъку Игоревѣ, Святъславля пѣтворца стараго времени. М., 1844. С. 211). А. Н. Майков в 1870 г. также высказал предположение, что в XII в. слово «господине» могло быть обыкновенной формой учтивости между князьями (Майков А. Н. Слово о полку Игореве. С. 557).

зем. До этого года он, по словам Н. Ф. Котляра,³⁷ лишь раз упоминается в летописи.

Без имени, только по отчеству и обобщенно — «Мстиславичи» названы в обращениях малолетние сыновья Мстислава Ростиславича Храброго, умершего в 1180 г.: Мстислав (впоследствии прозванный Удалой), Владимир и Давыд — троюродные братья Романа, Мстислава, Ингваря и Всеволода. По словам Б. А. Рыбакова, они сами еще не вели полков, их полками командовали воеводы, во всяком случае, во время усобицы 1180—1181 гг.³⁸

Таким образом, призывы третьего фрагмента второй части обращены к трем поколениям Мономашичей, «старейшиной» которых был в то время Всеволод Суздальский, и их политическому союзнику Ярославу Галицкому, который в противостоянии Ольговичей и Мономашичей стоял на стороне последних, о чем подробнее будет сказано далее. В обращениях к князьям автор характеризует их положение на иерархической лестнице в зависимости от могущества князей. Феодальным термином «господин», который в данном случае означает «властитель», «властелин», именуется крупные феодалы, имеющие в своем подчинении удельных князей, вассалов.

В 1900 г. точку зрения Н. М. Карамзина развил в указанной уже работе В. В. Каллаш, добавив к приведенному им доводу Карамзина два своих. По его мнению, киевский князь Святослав не мог приглашать Всеволода Суздальского «поблюсти отня злата стола», т. е. подчеркивать, что киевский стол для него — отчий, и напоминать о том, что Ярослав Галицкий открывал «Киеву врата». Мысль о Всеволоде заостренно прозвучала в статье Л. Н. Гумилева: «Призывать на помощь могучего врага — это значит обречь себя на гибель».³⁹

Выражение «не мыслию ти прелетѣти издалеца отня злата стола поблюсти» следует, на наш взгляд, понимать как упрек Всеволоду, не принимающему участия в защите Южной Руси от половецкого нашествия. Всеволод не приглашается в Киев защищать Южную Русь, как уже отмечали исследователи. Святослав уверен, что Всеволод не откликнется на призыв, и лишь высказывает пожелание-упрек в его адрес: не в помыслах только следует ему прилететь для защиты отчего стола от врагов. Здесь содержится намек на обещание Всеволодом военной помощи Святославу в 1183 г., когда он просил Святослава дать ему в помощь войска для похода на волжских болгар. В книге «Петр Бориславич» Б. А. Рыбаков пишет: «В „Слове о полку Игореве“ нет и намек на приглашение Всеволода княжить в Киеве вместо Святослава. Речь идет только об обещанной заранее военной помощи „на иноверных“».⁴⁰ Не смущает Б. А. Рыбакова и напоминание Святослава о том, что киевский стол — «отчий» для Всеволода, поскольку «киевский великокняжеский престол

³⁷ Котляр Н. Ф. Роман Мстиславич // Энциклопедия «Слова о полку Игореве»: В 5 т. СПб., 1995. Т. 4. С. 233.

³⁸ Принимаю точку зрения Б. А. Рыбакова по вопросу о трех Мстиславичах (см.: Рыбаков Б. А. Петр Бориславич. С. 130—131). О справедливости этой точки зрения свидетельствует, в частности, и то, что в таком случае князья объединяются в одном обращении по определенному принципу. Здесь, по наблюдению А. П. Комлева и К. К. Белокурова, просматривается определенный ряд: Рюрик и Давыд — родные братья, Роман и Мстислав Ярославич Пересопницкий — двоюродные братья, Ингварь и Всеволод Ярославичи и три Мстиславича — троюродные братья (см. выше примеч. 14).

³⁹ Гумилев Л. Н. Может ли произведение изящной словесности быть историческим источником? // РЛ. 1972. № 1. С. 80.

⁴⁰ Рыбаков Б. А. Петр Бориславич. С. 124.

был для Всеволода Юрьевича, безусловно, „отчим“, ...на нем сидели его отец..., его дед, прадед и т. д.».⁴¹

Напоминание о том, что Ярослав Галицкий открывал Киеву врата, также носит характер упрека. Ярослав Галицкий был постоянным и надежным союзником Мономашичей, а конкретно — Мстиславичей. Еще в юности, едва став галицким князем после смерти отца (1152 г.), он подчинился Изяславу Мстиславичу Киевскому, а в конце 1158 г. в союзе с волынским князем Мстиславом Изяславичем, отцом Романа Волынского, взял Киев, изгнав одного из Ольговичей (Изяслава Давыдовича, племянника Олега Гориславича) и пригласив княжить Ростислава Мстиславича Смоленского, отца Рюрика и Давыда. В усобице Ольговичей и Мономашичей 1180—1181 гг. Ярослав также принял участие на стороне Мономашичей. Ярослав Галицкий был женат отцом в 1150 г. по политическим расчетам на дочери Юрия Долгорукого, сестре Всеволода Юрьевича, старейшего в Мономашичах, и два могущественнейших князя того времени были союзниками. Союзниками были уже их отцы: отец Ярослава Галицкого, Владимирко, в союзе с отцом Всеволода, Юрием Суздальским, «открывал Киеву врата», вынуждая к бегству киевского князя Изяслава.

О событии 1158 г. и напоминает автор устами Святослава, говоря о том, что Ярослав Галицкий открывает Киеву врата. В обращении к Ярославу Галицкому слышится завуалированный в пышную похвалу укор Ольговича союзнику Мономашичей: вместо того чтобы стрелять салтанов за землями и *открывать* киевские врата, следует стрелять Кончака, поганого кощя, *закрывая* от него киевские врата.

В 1945 г. А. К. Югов издал свой перевод «Слова о полку Игореве» и комментарий к нему. Некоторые свои точки зрения, высказанные в комментарии, он развил в трех небольших статьях, опубликованных в той же книге. В их числе — статья «О „Золотом слове“».⁴² А. К. Югов не выдвинул новых аргументов в пользу короткого «злата слова», он лишь в присущей ему эмоционально-язвительной манере развил доводы Н. М. Карамзина и В. В. Каллаша. Он сумел убедить академика Б. Д. Грекова, который в своей вступительной статье пишет в подстрочном примечании: «Убеденный доводами А. К. Югова, я должен изменить свое мнение, высказанное в статье „Автор «Слова о полку Игореве» и его время“ (Историк-марксист. 1938. Кн. 4. С. 18), о том, что это якобы Святослав обращался к политическим деятелям современной ему Руси. Но, как правильно думает А. К. Югов, это, несомненно, обращение самого автора „Слова“». — Б. Г.».⁴³

А. К. Югов пишет: «Он (автор „Слова“. — Л. С.), как признают все, был тонким знатоком истории и междукняжеских взаимоотношений, а потому *никоим образом* не мог вложить в уста киевского великого князя, *отца всех князей Киевской Руси, старейшины Русской Земли*, те слова, которые были *унизительны* для него именно как *для первого в старейшинстве князя*... Разве правдоподобно, чтобы... Святослав Всеволодович Киевский... сам поставил бы свое достоинство ни во что, да еще воспевал бы... Осмомысла за то, что он... *Киева врата отпирает*, то есть *принуждает к покорности*? ...абсолютно ясно, что *непомерно хвалебное* обращение со стороны старейшего в Русской Земле князя Святослава к галицкому князю Ярославу Осмомыслу никак не могло быть. И „*господином*“

⁴¹ Там же

⁴² Югов А. К. О «Золотом слове» // Слово о полку Игореве / Пер и коммент А. Югова, Вступ статьи акад. Б. Д. Грекова и акад. А. С. Орлова М., 1945. С. 180—184

⁴³ Греков Б. Д. Русь времен «Слова о полку Игореве» // Там же С. 25, примеч. 1.

его наименовать киевский князь не мог никоим образом, ибо не был ни *вассалом*, ни тем более *подданным* галицкого князя. ...И Рюрика, и Давыда, по воле комментаторов и текстологов, бедный старейшина Киевской Руси вынужден именовать „*господами*“, а не „*братьями*“... И это особенно противоречит исторической истине». Указав на «жестокую междоусобную войну» Святослава с Ростиславичами, Югов задает риторический вопрос: «И после этого он станет вдруг титуловать Рюрика и Давыда — „*господина*“?!». «Обращение ко всем князьям: перестать враждовать между собою, объединиться для защиты Отечества — это есть золотое слово самого Певца!» — восклицает Югов. Через эту поправку, по его мнению, «образ древнерусского певца-поэта, сказителя, „*акына*“, в котором олицетворен весь Народ, предстает еще более величественным». ⁴⁴

Как видим, А. К. Югов исходил из того, что Святослав Киевский как великий князь — сюзерен, отец всех князей Киевской Руси, и из того, что слово «*господин*» означало только либо вассальную зависимость, либо подданство князю. И то, и другое убеждение было ошибочным, о чем говорилось выше. Ошибочно и утверждение, будто Поэт обращается ко *всем* князьям, и что он будто бы призывает их «перестать враждовать между собою, объединиться для защиты Отечества». Конкретно такой призыв обращен только к полоцким князьям, другое дело, что он вытекает из всего того, что рассказано и сказано автором в «Слове о полку Игореве». Что же касается пяти обращений третьего фрагмента, то в них перечисленные князья призываются к обороне Южной Руси в обстановке лета 1185 г., когда по Руси «*прострошася половцы*».

Под влиянием А. К. Югова поменял свою прежнюю точку зрения не только Б. Д. Греков, но и Н. К. Гудзий. В статье 1937 г. он включал обращения к князьям (т. е. третий фрагмент) в «*злато слово*» Святослава. ⁴⁵ В 1947 г. вышла его большая статья «О составе „*золотого слова*“ Святослава в „Слове о полку Игореве“», в которой Н. К. Гудзий, во-первых, подробно и последовательно излагал историю вопроса, начиная с точки зрения первых издателей и А. С. Шишкова, и, во-вторых, доказывал принадлежность призывов непосредственно автору «Слова».

В той части статьи, где Гудзий возражает против включения в «*злато слово*» Святослава пяти обращений к князьям, он излагает доводы своих предшественников и приводит свои собственные доводы. По его мнению: 1) о слезах можно говорить, только имея в виду упреки и сетования Святослава, а никак не воззвания к князьям, в которых нет ничего похожего на слезную речь; 2) глагол «*изрони*» указывает на короткую речь. Ближе всего к представлению о «*золотом слове*», смешанном со слезами, как бы *изроненном*, как бы вырвавшемся из уст Святослава, произнесенном как бы мимоходом, в виде реплики, относятся именно строки, содержащие в себе упреки Игорю и Всеволоду; 3) едва ли Святослав, только что произносивший суровые укоры по адресу Игоря и Всеволода, мог вслед за этим призывать князей выступить не только за землю Русскую, но и за раны Игоревы; 4) Н. К. Гудзий вслед за Н. Ф. Грамматиным считал, что Святослав в момент произнесения «*злата слова*» еще не мог знать об участии Владимира Глебовича, поэтому слова «*Се у Римь кричать... Туга и тоска сыну Глебову!*» следует уже относить к авторской речи; 5) по словам Н. К. Гудзия, «в повести о походе Игоря Святославича на половцев в 1185 году, вошедшей в Киевскую летопись, мы читаем строки,

⁴⁴ Югов А. К. О «Золотом слове». С. 180—184.

⁴⁵ Гудзий Н. К. Слово о полку Игореве // Лит. учеба. 1937. № 5. С. 50—51.

очень близкие по содержанию к „золотому слову“ „Слова о полку Игореве“. Можно было бы в этих действиях Святослава по организации княжеских сил... видеть известную аналогию с воззваниями к князьям в „Слове“. Но в летописной повести идет речь об обращении Святослава лишь к Давыду Смоленскому;⁴⁶ б) отнесение воззвания к князьям в авторскую речь оправдывается, по мнению Н. К. Гудзия, всем характером «Слова», где выступления автора от своего лица занимают очень большое место.

Доводы Н. К. Гудзия, в отличие от «исторических» доводов Н. М. Карамзина и В. В. Каллаша, носят в основном характер субъективных толкований и рассуждений.

1. Упоминание о том, что «злато слово» Святослава было «со слезами смешено», соответствует сообщению Киевской летописи: «Святослав же... утерь слезь своих и рече...». Упоминание слез и в летописи, и в «Слове» носит символический, образный характер, «слезы» выражают печаль, сокрушение Святослава по поводу поражения Игоря. Но печалью, сокрушением проникнуто и воззвание к князьям, в котором не раз упоминается о «ранах Игоря», о бедствиях Русской земли, о неспособности Святославу со стороны князей в обороне Южной Руси от половцев.

2. Глагол «изрони», по мнению Гудзия, служит указанием на непродолжительность речи. Он употреблен в связи с эпитетом «злато». Святослав «изронил» «золотое» слово подобно тому, как Изяслав «изронил» «жемчужную» душу. Глагол «изрони» в любом случае не означает произнесенной «мимоходом» «реплики», поскольку даже так называемое «короткое» слово занимает в издании В. И. Стеллецкого 1965 г. целую страницу. Гораздо важнее то, что эта речь Святослава, единственная из всех княжеских речей, названа «словом», т. е. отнесена к ораторскому жанру, что указывает как раз на определенный объем речи.

3. Укоры Святослава в адрес молодых князей, Игоря и Всеволода (которые, надо сказать, трудно назвать вслед за Гудзием суровыми), не могут служить препятствием к призыву отомстить «за раны Игоревы». Отметим, что слово «раны» означает здесь, вероятно, не физическую рану Игоря (он был ранен в левую руку), а употреблено в переносном значении; словари указывают следующие переносные значения слова «рана»: 1) беда, бедствие, несчастье, урон; 2) поражение. Святослав призывает князей защитить Русскую землю и отомстить за сокрушительное поражение Игоря, за тот непоправимый урон, который нанесен Игорю, княжество которого осталось без воинских дружин.

4. Гудзий сомневается, включать ли слова о городе Римове и Владимире Переяславском в речь Святослава. По его мнению, Святослав еще не мог знать об этом в момент произнесения «злата слова». Странное замечание! Ведь бояре, толкуя сон Святослава, рассказывают не только о поражении Игоря, но и о нашествии половцев на Русь, и при этом, конечно же, сообщают о том, какие города подверглись нападению. Более того, слова «Се у Римь кричать подь саблями половецкыми, а Володимирь — подь ранами. Туга и тоска сыну Глѣбову!» являются продолжением мысли Святослава, они поясняют его слова: «Наниче ся години обратиша», после которых следует ставить двоеточие. Наизнанку времена обернулись: если раньше Святослав совершал походы в землю

⁴⁶ Гудзий Н. К. О составе «золотого слова» Святослава в «Слове о полку Игореве». С. 29.

Половецкую, то теперь половцы в Русской земле, под их саблями кричат у города Римова, ими изранен Владимир Переяславский.

5. То, что в летописи есть обращение Святослава к Давыду, служит серьезным аргументом для того, чтобы включать обращения к князьям в «злато слово» Святослава. По словам Б. А. Рыбакова, хотя в летописи прямой речью оформлено только обращение к Давыду, но при этом сказано, что были и «ины помочи». На этом основании автор «Слова о полку Игореве» и создает «слово к князьям».

6. По мнению Н. К. Гудзия, наличие в «Слове» лирических восклицаний автора, его прямых обращений является основанием для признания авторскими и обращений к князьям. В любом лиро-эпическом произведении автор говорит от своего лица. Но это вовсе не означает, что в таком произведении не может быть речей персонажей. Этот довод Н. К. Гудзия, крупного филолога, нам кажется странным.

После статьи Н. К. Гудзия, специально посвященной составу «злата слова», едва ли не все исследователи «Слова» приняли его точку зрения.

В 1950 г. ее поддержал Д. С. Лихачев. Излагая разные точки зрения на состав «злата слова» в комментарии к юбилейному изданию «Слова о полку Игореве», Д. С. Лихачев пишет: «Не ясно, где заканчивается... „злато слово“ Святослава. Н. Карамзин, Н. Грамматин, П. Владимиров, В. Каллаш считали, что „злато слово“ следует ограничить лишь упреками Игорю и Всеволоду. В последнее время это очень убедительно показано Н. К. Гудзием. ...Другие комментаторы включают в „злато слово“ и обращения к русским князьям. Правы, конечно, первые. Вряд ли, например, Святослав Киевский мог обращаться к Ярославу Осмомыслу, называя его „господине“. Вряд ли он мог сказать ему: „отворяеши Киеву врата“. Вряд ли Святослав мог назвать „господами“ Рюрика и Давыда Ростиславичей. Вряд ли он мог назвать киевский стол „отним столом“ Всеволода, т. е. признать за ним право на Киевское княжение, и т. д. Наконец, „злато слово“ Святослава в летописи также ограничено только упреками Игорю и Всеволоду».⁴⁷

Эта точка зрения развита Д. С. Лихачевым в статье «Исторический и политический кругозор автора „Слова о полку Игореве“», опубликованной в том же 1950 г. Ученый пишет здесь: «...для автора „Слова“ дороги все притязания русских князей на Киев. Нет сомнений, что он считает Святослава, силу которого он гиперболизирует, законным киевским князем. И вместе с тем, игнорируя вотчинное право на Киев Святослава Всеволодовича, он пишет, обращаясь к Всеволоду Большое Гнездо — князю, принадлежавшему ко враждебной Ольговичу Святославу Мономашьей линии русских князей: „Великий княже Всеволоде! Не мыслию ти прелетѣти издалеча отня злата стола поблюсти?“ (т. е. стол Киевский!)... В этом обращении к Всеволоду все неприемлемо для Святослава, и все обличает в авторе „Слова“ человека, занимающего свою, независимую, а отнюдь не „придворную“ позицию: 1) титулование Всеволода „великим князем“, 2) признание киевского стола „отним“ столом Всеволода и 3) призыв прийти на юг. ...Аналогичным образом автору „Слова“ казалась опасной слишком местная политика Ярослава Галицкого, и он подчеркивает его могущество, его власть над самим Киевом: „отворяеши Киеву врата“, говорит он о Ярославе Галицком. Слова, казалось бы, невозможные в устах „придворного поэта“ Ольговичей, но простые и понятые для человека, страдающего за Киев как за центр Рус-

⁴⁷ Лихачев Д. С. Комментарий исторический и географический. С. 432.

ской земли, стремящегося привлечь к нему внимание замкнувшихся в местных интересах князей».⁴⁸

По мнению Д. С. Лихачева, автор «Слова» «усмотрел опасность для единства Руси именно в том, что и владимирские и галицкие князья перестали интересоваться Киевом как центром Руси. ...автор „Слова“ не мог еще оторваться от представлений о Киеве как о единственном центре Руси. ...Он страстный сторонник идеи единства Руси, но единство это он еще понимает в устоявшихся представлениях XII в. ...Он уже видит и признает силу владими́ро-суздальского князя, но предпочитает его видеть на юге — в Киеве... Итак, единство Русской земли мыслится автором „Слова“ с центром в Киеве».⁴⁹ Именно поэтому, по мнению Д. С. Лихачева, «вопреки исторической действительности, слабого киевского князя Святослава Всеволодовича автор „Слова“ рисует могущественным и „грозным“. На самом деле Святослав „грозным“ не был: он владел только Киевом, деля свою власть с Рюриком, обладавшим остальными киевскими городами. Святослав был одним из слабейших князей, когда-либо княживших в Киеве. ...Автор „Слова“ выдвигает киевского князя в первые ряды русских князей потому только, что Киев все еще мыслится им как центр Русской земли — если не реальный, то во всяком случае идеальный. ...Киевский князь для автора „Слова“ — по-прежнему глава всех русских князей».⁵⁰

Итак, если предыдущие исследователи, указывая на форму и содержание обращений к князьям, доказывали невозможность их в устах Святослава, то Д. С. Лихачев, развивая эту точку зрения, обосновал принадлежность этих призывов автору «Слова», которого он представляет человеком, стремящимся к возрождению единства Русской земли с центром в Киеве, занимающим свою, независимую, а не «придворную» позицию. Однако, во-первых, трудно себе представить ратора, историка, поэта, который стоял бы *над* той непримиримой борьбой между Мономахичами и Ольговичами, которая велась весь XI и XII вв., был бы выше того противостояния, вовлеченными в которое оказались все русские летописцы. Н. С. Демкова убедительно полагает, что «Слово о полку Игореве» было написано как раз в тот момент, когда между Мономахичами и Ольговичами развернулась очередная «катора»: Мономахичи требовали осенью 1195 г. от Ольговичей отказаться навсегда от прав на киевский престол, Ольговичи же очередной раз выступали в защиту своего права на «киевский золотой стол».⁵¹ Вероятно, фраза о князьях, говорящих: «Се — мое, а то — мое же», была очень злободневной. Весь текст «Слова» со всей очевидностью свидетельствует о том, что автор — сторонник Ольговичей, а следовательно, для него не могут быть одинаково дороги притязания всех русских князей на киевский престол. Во-вторых, к моменту написания «Слова» прошло 100 лет с Любечского съезда, на котором было закреплено существующее политическое положение на Руси, по сути дела, вместо федерации с центром в Киеве была объявлена конфедерация, с обязанностью всех независимых княжеств «держатъ отчину свою», не посягая на чужие земли, и «блюсти Руской

⁴⁸ Лихачев Д. С. Исторический и политический кругозор автора «Слова о полку Игореве». С. 40—41. Возражения Д. С. Лихачеву по поводу неприемлемости для Святослава обращения к Всеволоду см. в книге: Рыбаков Б. А. Петр Бориславич. С. 124—125.

⁴⁹ Там же. С. 40—42.

⁵⁰ Там же. С. 40.

⁵¹ См.: Демкова Н. С. К вопросу о времени написания «Слова о полку Игореве» // Вестн. ЛГУ. История, язык и литература. Л., 1973. Вып. 3. № 14. С. 72—77. См. также: Демкова Н. С. Проблемы изучения «Слова о полку Игореве» // Средневековая русская литература. Поэтика, интерпретации, источники: Сб. статей. СПб., 1997. С. 42—48.

земли» объединенными усилиями («имея во едино сердце»). «Государство» под названием «Киевская Русь» распалось, и этот процесс был исторически закономерен, такой же процесс происходил и в Западной Европе.⁵² Отдельные русские земли закреплялись за потомками определенной ветви русских князей (Черниговское и Новгород-Северское, Смоленское, Галицкое, Волынское, Полоцкое, Владимирское и Переяславское княжества). Разумеется, решение Любечского съезда нарушалось, но прежнее единство с условием лестничного передвижения по княжеским столам многих уже не устраивало. Могущественные князья Русской земли, такие, как Всеволод Суздальский, Ярослав Галицкий, Ярослав Черниговский, Давыд Смоленский, обладали всеми правами суверенных государей и закрепляли вотчинное, наследное право на свои княжества. Нельзя не согласиться с Д. С. Лихачевым по поводу того, что автор «Слова» сожалеет об утраченном единстве Русской земли, но, говоря словами Б. А. Рыбакова, автор «Слова» «трезво смотрит на современный ему мир», и когда говорит о единстве, то «имеет в виду лишь то, что было вполне реально тогда, — военный союз против „поганных“, единую систему обороны, единый замысел далекого рейда в степь».⁵³ Именно к совместной обороне Русской земли от половцев и призывает князей Святослав летом 1185 г. В этом призыве не было ничего унижительного для киевского князя. Святослав Всеволодович основывался на договоре русских князей о совместной обороне Русской земли. Такой договор был заключен еще в 1097 г. на Любечском съезде. О подобном договоре свидетельствует, по мнению историков, и система коллективного сюзеренитета, существовавшая на Руси во второй половине XII в. В 1183 г. с просьбой о помощи в походе на волжских болгар обращался к киевскому князю Всеволоду Суздальский.

Д. С. Лихачев высказал мысль о невозможности титулования Святославом Всеволода Суздальского «великим князем». Позднее Л. А. Дмитриев, сославшись на то, что, по словам В. Ю. Франчук, «в текстах XI—XII вв. не зафиксировано ни одного случая употребления слова „князь“ в обращениях князей друг к другу», заметил: «Поэтому, если бы А[втор] был князь, он не мог бы обратиться к Всеволоду Юрьевичу... с призывом: „Великий княже Всеволоде!“».⁵⁴ Из этого можно заключить, что, по мнению Дмитриева, обращение «великий княже» не может принадлежать и Святославу, поскольку он сам был князем и обращения адресованы князьям. В летописи, как отмечали А. А. Зимин, В. Ю. Франчук и другие исследователи, князья обращаются друг к другу, используя «семейную» терминологию для отражения межкняжеских феодальных взаимоотношений: «брате» (к равному по положению), «отче» (к сюзерену), «сыну» (к вассалу).⁵⁵ Действительно, со-

⁵² Б. А. Рыбаков в книге «Киевская Русь и русские княжества XII—XIII вв.» (С. 470) пишет: «Расчленение раннефеодальных грандиозных империй на ряд фактически (а иногда и юридически) суверенных княжеств-королевств было неизбежным этапом в развитии феодального общества, будь то Киевская Русь в Восточной Европе или империя Каролингов в Центральной Европе...».

⁵³ Там же. С. 488.

⁵⁴ Указывая на это, Л. А. Дмитриев добавил: «Укр[аинский] историк и писатель Л. Е. Махновец привел единственный случай такого обращения князя к князю, но из текста XIII века» (Дмитриев Л. А. Автор «Слова» // Энциклопедия «Слова о полку Игореве»: В 5 т. СПб., 1995. Т. 1. С. 30).

⁵⁵ Зимин А. А. Ипатьевская летопись и «Слово о полку Игореве». С. 61; Франчук В. Ю. К вопросу об авторе // ВЛ. 1985. № 9. С. 160—161. Напомню, что А. В. Соловьев в 1948 г. написал: «...обращение: „великий княже Всеволоде“ исходит уже из уст певца. Великий князь назвал бы его „брате и сыне“». См.: Соловьев А. В. Политический кругозор автора «Слова о полку Игореве» // ИЗ. 1948. Т. 25. С. 78, примеч. 22.

гласно Ипатьевской летописи, Святослав, обращаясь к Давыду с просьбой приехать постеречь земли Русской после поражения Игоря, называет его «брате»: «А поеди, брате, постережи земле Руское!».⁵⁶ В 1183 г. Всеволод, прося у Святослава помощи для похода на болгар, согласно Татищеву, так обращается к Святославу: «Брате и отче». В ответном обращении Святослав называет Всеволода «брате и сыну».⁵⁷ Так же именует Святослав Всеволода и согласно Ипатьевской летописи (см. под 1182 г.).

Вероятно, в отличие от летописцев, вкладывавших в уста князей традиционные обращения, автор «Слова» отражает реально существовавшую терминологию межкняжеских отношений конца XII в. Какова же была на Руси в XII в. система государственного устройства и система межкняжеских отношений? Статья А. В. Назаренко «Родовой сюзеренитет Рюриковичей над Русью (X—XI вв.)»⁵⁸ помогает уточнить это. Изложу кратко суть его работы. О Руси как о «семейном владении» Рюриковичей говорилось не только в рамках так называемой родовой теории С. М. Соловьева, но и после ее развенчания. После работ Б. Д. Грекова и С. В. Юшкова почти исключительно утвердился взгляд на Древнерусское государство как на феодальное. В связи с этим взаимоотношения между Рюриковичами даже древнейшей поры, вплоть до конца XI в., характеризовали не как семейно-родовые, а как сюзеренно-вассальные. «Семейную» терминологию историки, в том числе Л. В. Черепнин и В. Т. Пашуто, считали при этом традиционной, не отражавшей реальной патриархальности отношений. Историки отмечали «безразличие» русских князей к титулатуре. Соглашаясь с этим, А. В. Назаренко задается вопросом: с какого именно времени реальное содержание «семейной» терминологии оказывается выхолощенным, когда именно она превращается в традиционную? Опираясь на данные об аналогичных процессах в других раннефеодальных монархиях Европы, А. В. Назаренко выделяет три стадии межкняжеских отношений на Руси: 1) семейно-родовые отношения (IX—X вв.). Для этой стадии характерен сеньорат — выделенное положение старшего брата. Старший брат выступает в роли гаранта status quo. Функция старшего — это еще не феодальный сюзеренитет, а охранение существующего положения вещей, т. е. братского совладения. 2) Родовой (феодальный) сюзеренитет (X—XI вв.). Это еще не феодальная раздробленность. Главная характеристика родového сюзеренитета — разделы между братьями. 3) Феодальная раздробленность. О ней принято говорить только со времени Любечского съезда (1097 г.). С этого времени можно говорить о сюзеренно-вассальной форме отношений между князьями.

Позволю себе, не будучи историком, высказать мнение, что система межкняжеских отношений во второй половине XII в. была сложнее, она не сводилась к сюзеренно-вассальной форме: внутри отдельных ветвей княжеского рода сохранялся, по-видимому, родовой сюзеренитет.

По словам Б. А. Рыбакова, «автор „Слова о полку Игореве“, окидывая взором всю Русь, не применял никакого общего, собирательного имени к русским князьям. Ни в исторических экскурсах, ни в обращении к своим современникам он не объединял их под именем Владимировых или Игоревых внуков (подразумевая «Игоря Старого», убитого в 945 г.,

⁵⁶ Ипатьевская летопись Стб 646

⁵⁷ Татищев В. Н. История Российская Т 3 С 128

⁵⁸ Назаренко А. В. Родовой сюзеренитет Рюриковичей над Русью (X—XI вв.) // Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования 1985 М., 1986 С 149 и след

и Владимира I Святого). Поэт пользуется делением русских князей на две ветви: на полоцких Всеславичей и на многочисленных потомков Ярослава Мудрого; среди последних он выделяет однажды Ольговичей. Всеславичи и Ярославичи имели общего предка — Владимира Святого (Все-слав его внук, а Ярослав — сын), но автор, при всем его стремлении к объединению русских сил, не воспользовался общим происхождением, что еще раз подтверждает высказанную выше мысль о том, что под „Старым Владимиром“ никак нельзя подразумевать Владимира I.⁵⁹

Со многим в приведенном высказывании Б. А. Рыбакова мы не можем согласиться. Вне всякого сомнения, автор «Слова» упоминает общего предка русских князей — Владимира I Святославича. Обозначая исторические рамки своего произведения, он говорит: «Почнемъ же, братие, повѣсть сию отъ стараго Владимира до нынѣшняго Игоря...». Здесь имеется в виду именно Владимир Святой, а не Владимир Мономах, поскольку в рамках своего повествования автор дважды упоминает Ярослава Мудрого, сына Владимира Святого. Владимир же Мономах был внуком Ярослава, следовательно, вовсе не от него «починает» свое «Слово» автор.⁶⁰ Кроме того, в «Слове» упоминаются брат Ярослава Мудрого — Мстислав Храбрый, «иже зарѣза Редедю предъ пълкы Касожьскими», сыновья Ярослава Мудрого: отец Владимира Мономаха — Всеволод Ярославич и Святослав Ярославич («Рекъ Боянъ и Ходына, Святъславля пѣснотворца...») и князя одного колена с Владимиром Мономахом: его брат Ростислав, Олег Гориславич и брат Олега — Роман Тмутороканский («Красный Роман»). Таким образом, автор не может сказать, что начинает свою повесть от Владимира Мономаха, поскольку он говорит в своем произведении не только об отце, но и о деде Владимира Мономаха, т. е. о князьях двух предыдущих колен. Кроме того, Владимир Святой — общий предок Всеслава Изяславича Полоцкого и Ярославичей. Таким образом, автор «Слова» начинает свое произведение от общего предка всех упоминаемых им князей, «от периода духовного и государственного единства, нарушенного затем „усобицами первых времен“ сейчас же после его смерти в 1015 г.».⁶¹ И горестно восклицая о том, что «розно» веют знамена русских князей, он тоже говорит о Владимире Святом, употребляя тот же эпитет, что и в первом случае, — «старый»: «Того стараго Владимира нельзя бѣ пригвоздити къ горамъ Киевскимъ; сего бо нынѣ сташа стязи Рюриковы, а друзии — Давидовы, нъ розно ся имъ хоботы пашуть, копия поють!». Автор вспоминает здесь о времени Владимира Старого, при котором русские войска собирались под *одно* знамя, что и давало возможность Владимиру доходить в походах до Крыма, покорять Корсунь, Тмуторокань, о которых автор упоминает в «Слове» тоже далеко не случайно.⁶² Ныне же русские воины — под разными знаменами, и бунчуки их знамен развеваются в разных направлениях, не в унисон поют их копыя на ветру, притороченные к седлам. Автор не мог в этом фрагменте вспоминать Владимира Мономаха, поскольку в его время ситуация была ничуть не лучше, чем в конце XII в.: так же врозь реяли знамена враждовавших князей, так же врозь пели копыя их воинов, двигавшихся в разных направлениях. Автор, как и его предшественник Боян, — «певец» Ольговичей. Посвящая целые исторические экскурсы

⁵⁹ Рыбаков Б. А. Русские летописцы и автор «Слова о полку Игореве». С. 489.

⁶⁰ На это указывали А. В. Соловьев (см.: Соловьев А. В. Политический кругозор автора «Слова о полку Игореве». С. 73—74) и Д. С. Лихачев (см.: Лихачев Д. С. Исторический и политический кругозор автора «Слова о полку Игореве». С. 10).

⁶¹ Соловьев А. В. Политический кругозор автора «Слова о полку Игореве». С. 74.

⁶² Там же. С. 11.

«родоначальнику» Ольговичей — Олегу и «родоначальнику» Всеславицей — Всеславу, он вспоминает «родоначальника» Мономашичей, Владимира Мономаха, всего одной ироничной фразой: «Ступаетъ въ златъ стремянь въ градъ Тьмутороканъ, ...а сынъ Всеволожь Владимиръ по вся утра уши закладаше въ Черниговъ». Читателям была понятна эта фраза: после нескольких лет княжения Владимира в Чернигове Олег с третьей попытки сел на отчий стол в Чернигове, который Владимир добровольно уступил ему в 1094 г. Замечу: это *первое* упоминание Владимира Мономаха, ибо он назван здесь с указанием, чей он сын. Он — «сын»! Какой же он «Старый Владимир?» Не случайно Б. А. Рыбаков, считающий, что автор начинает повествование с Владимира Мономаха, вынужден предполагать, что из «Слова» выпал фрагмент, повествующий о Владимире Мономахе, и считает этим фрагментом отрывок из «Слова о погибели Русской земли». ⁶³

Итак, автор вспоминает Владимира Святого как общего предка Ярославичей (потомков Ярослава Мудрого) и полоцких князей, потомков старшего сына Владимира, брата Ярослава Мудрого — Изяслава. В XII в. Ярославичи разделились на две враждовавшие ветви: «Ольгово племя» (Ольговичи) и «Владимирово племя» (Мономашичи). Полоцкие князья, породнившиеся со Святославом Всеволодовичем, примкнули в первой половине XII в. к Ольговичам, а галицкие князья — Владимир Володаревич и его сын, Ярослав Галицкий — к Мономашичам. Этот союз также был скреплен браком, Ярослав Галицкий был женат на дочери Юрия Долгорукого, сестре Всеволода Суздальского. Сын Ярослава Галицкого Владимир, племянник Всеволода Суздальского (сын его сестры), обращался к Всеволоду как вассал к сюзерену в 1190 г.: «Отче господине! Удержи Галичь подо мною, а азъ Божий и твой есмь со всимъ Галичемъ, а во твои волѣ есмь всегда». ⁶⁴ В «Слове о полку Игореве» Ольговичи и Мономашичи противопоставлены, хотя, конечно, не столь резко, как русские и половцы.

Ольговичи, Мономашичи, Всеславичи имеют во второй половине XII в. единого «старейшину», который сопрягался с великим княжением киевским. Но при этом у каждой из обособившихся княжеских ветвей — свой «старейшина». Старшим в Ольговичах был Святослав Всеволодович. На правах «старейшины» Ольговичей он обращается к Игорю и Всеволоду как к своим вассалам. Среди Мономашичей (по терминологии Киевской летописи — «Владимирова племени») старшим был Всеволод Большое Гнездо. Ссылаясь на то, что именно он избран «старейшиной» *Владимирова* племени, Всеволод требовал себе «части» в Киевской земле в 1195 г. Обращаясь к полоцким князьям, автор называет, видимо, «старейшего» среди них — Ярослава Глебовича Минского («Ярославе и вси внуце Всеслави!»).

Интересно, что если в отношении Мономашичей и их союзника в «Слове» используется новая терминология межкняжеских отношений, вводимая во второй половине XII в. именно Мономашичем, Всеволодом Суздальским, то по отношению к Ольговичам автор употребляет традиционную, «семейную» терминологию, подчеркивает теплые, родственные чувства Ольговичей друг к другу. Святослав Киевский — «отец» Игоря и Всеволода, т. е. старший в роде и сюзерен, они для него — «сыновцы», племянники, хотя реально — двоюродные братья; Ярослав Черниговский — «брат» Святослава Киевского, Всеволод обращается к Игорю,

⁶³ Рыбаков Б. А. Петр Бориславич. С. 27—33.

⁶⁴ Ипатьевская летопись. Стб. 667.

подчеркивая братство: «Один брат, один свет светлый, — ты, Игорю!» Всеволод для Игоря — «милый брат», что отмечено автором дважды: «Игорь ждет мила брата Всеволода»; «жаль бо ему мила брата Всеволода».

На этом основании мы должны, вероятно, сделать следующий вывод: внутри отдельных ветвей княжеского рода (Мономашичей, Ольговичей, Всеславичей) во второй половине XII в. сохранялась система родового созеренитета. Феодальные отношения между князьями-Ольговичами выражаются в «Слове» традиционной, «семейной» терминологией, по отношению же к «чужим», к князьям другой княжеской ветви, «родственная» терминология не используется. Это отражало реальное положение дел в межкняжеских отношениях в конце XII в. «Семейная» терминология, указывавшая на подчиненность одного князя другому в зависимости от иерархического старшинства, не годилась для выражения отношений между князьями обособившихся, враждовавших ветвей княжеского рода. Поэтому, обращаясь к князьям другой княжеской ветви с «дипломатическими посланиями», Святослав использует титулатуру и терминологию, характеризующую феодальный статус князя в зависимости от его могущества, обширности его владений, введенные в 80-е гг. как раз старейшиной Мономашичей, Всеволодом Юревичем.

* * *

В 1965 г. вышло издание «Слова» с вступительной статьей и комментариями В. И. Стеллецкого. Комментируя начало «злата слова», Стеллецкий утверждает: «В настоящее время твердо установлено, что Золотое слово Святослава кончается словами: „на ниче ся години обратиша“». И далее, комментируя указанное выражение, повторяет: «Этими словами кончается Золотое слово Святослава. Следующее за ним горестное восклицание о городе Римове и князе Владимире Переяславском провозглашается самим автором „Слова о полку Игореве“».⁶⁵

Однако В. И. Стеллецкий поторопился объявить вопрос решенным.

В 1976 г. вышла статья Д. С. Лихачева «„Слово о полку Игореве“ и эстетические представления его времени»,⁶⁶ в которой обращения к князьям рассматриваются как неотъемлемая часть «злата слова» Святослава. Д. С. Лихачев пишет: «„Золотое слово“ Святослава Киевского обходит всю Русскую землю по окружности — ее самые крайние точки».⁶⁷ «Неподвижен великий князь Святослав Киевский, но его „золотое слово“ обращено из Киева „на горах“, где он сидит, ко всем русским князьям».⁶⁸ «...стоит сопоставить эти перечисления со стремлением в „золотом слове“ Святослава обратиться ко всем русским князьям поименно. ...Князь киевский Святослав обращается к князьям, соблюдая феодальный этикет».⁶⁹ Вероятно, именно анализ поэтики «Слова» побудил Д. С. Лихачева высказать другую, нежели в 1950 г., точку зрения.

⁶⁵ Стеллецкий В. И. Примечания к древнерусскому тексту «Слова о полку Игореве» // Слово о полку Игореве. Древнерусский текст и переводы. М., 1965. С. 162, 166.

⁶⁶ Лихачев Д. С. «Слово о полку Игореве» и эстетические представления его времени // РЛ. 1976. № 2. С. 24—37. То же Лихачев Д. С. «Слово о полку Игореве» и культура его времени. Л., 1978. С. 40—74. Страницы далее приводятся по книге.

⁶⁷ Там же. С. 43.

⁶⁸ Там же. С. 53.

⁶⁹ Там же. С. 62.

В том же 1976 г. появилась статья Б. И. Яценко «Про „золоте слово“ Святослава Киевського».⁷⁰ Считая, что «злато слово» простирается до конца второй части, т. е. до Плача Ярославны, Б. И. Яценко возразил на некоторые аргументы сторонников «короткого злата слова», приведенные в статье Н. К. Гудзия. Важность этой статьи, на наш взгляд, в том, что Б. И. Яценко подверг сомнению аргументацию Н. К. Гудзия и его предшественников. Однако своей цели статья не могла достичь, поскольку главный аргумент, который привлек в ряды сторонников короткого «злата слова» едва ли не всех исследователей второй половины XX в., — аргумент Карамзина — Б. И. Яценко даже не упоминает. Возражения на пять рассмотренных им доводов Н. К. Гудзия были, на наш взгляд, не всегда достаточно основательными. Приведу их.

1. Святослав не мог призывать Всеволода Юрьевича «отня злата стола поблюсти». Возражая на этот аргумент, Б. И. Яценко предполагает, что Всеволод приглашается защищать не Киев, а Переяславль — отчину князей владимирских. Однако «золотым» называли киевский стол.

2. Святослав не мог, будучи великим князем киевским, подчеркивать, что Ярослав Осмомысл открывает «Киеву врата», добывает Киев. По мнению Б. И. Яценко, в этом упоминании либо признание заслуг Ярослава в деле защиты западных границ Русской земли, либо его следует понимать как указание на то, что Ярослав открывал свои ворота, т. е. ворота Галича, Киеву, что указывало на дружеские отношения между Киевом и Галичем. Но фраза «открываешь Киеву врата» продолжает и поясняет фразу «Грозы твоя по землямъ текутъ», следовательно, речь идет именно об «открывании» киевских ворот.

3. Автор говорит, что «злато слово» «слезами смешено»; это можно отнести только к сожалениям и укорам Святослава в адрес Игоря и Всеволода. Далее нет ничего похожего на слезы. Б. И. Яценко, вероятно, не понял этого аргумента. Он пытается на примерах из летописей доказать, что «слезы» не говорят о слабости князя, в приведенных примерах князь, прослезившись, предпринимает военные действия.

4. После укоров Игорю и Всеволоду Святослав не мог просить князей отомстить за раны Игоря. Возражая на это, Б. И. Яценко указывает на летописную повесть о походе Игоря, в которой говорится: «Воля Господня да будетъ о всемъ. Да како жаль ми бяшетъ на Игоря, тако нынѣ жалю болми по Игорѣ, братѣ моемъ». При таком настрое Святослав мог, по словам Яценко, выступить в защиту Игоря. Однако вряд ли уместно в данном случае ссылаться на летописную повесть: это разные памятники, и автор «Слова» нигде не отражает христианское мировоззрение автора летописной повести (в данном фрагменте — выражение жалости к Игорю, покорность Божьей воле).

5. В Киевской летописи Святослав обращается только к Давыду. Б. И. Яценко указывает, вслед за Рыбаковым, на Лаврентьевскую и Ипатьевскую летописи, где сказано о том, что были и «иные помочи».

В 1985 г. в юбилейном издании «Слова о полку Игореве» была опубликована упоминавшаяся статья А. П. Комлева и К. К. Белокурова «„Слово о полку Игореве“: Заметки об исторических временах и лирических пространствах». Авторы статьи полагают, что «злато слово» заканчивается обращением к полоцким князьям, которое они, вслед за Д. С. Лихачевым, трактовали как «обобщающее обращение» ко всем русским князьям. В связи с этим А. П. Комлев и К. К. Белокуров также

⁷⁰ Яценко Б. И. Про «золоте слово» Святослава Киевського // Радянське літературознавство. 1976. № 5. С. 53—59.

подвергли критике гипотезу «короткого злата слова», высказав ряд интересных наблюдений. Их соображения будут приведены далее.

Очень интересно проследить, как отражена полемика вокруг «злата слова» в трудах академика Б. А. Рыбакова. В статье «Князь Святослав Всеволодович (ок. 1125—1194 гг.) (Опыт исторической характеристики)» Б. А. Рыбаков, сославшись на книгу А. К. Югова, писал: «В последнее время появились сомнения в том, что обращение ко всем князьям с призывом встать за землю Русскую, за раны Игоревы вложены автором в уста Святослава. Но не следует в этом сомневаться. Узнав о поражении русских войск и нападении половцев, когда „бысть скорбь и туга люта“, он послал к Давиду в Смоленск: „а поеди, брате, постережи земле Руское!“. У Триполья собрались все „помочи“ — войска всех созванных Святославом князей. ...Ко всем участникам этого похода и обращался Святослав в 1185 г. Летописец в силу своего положения придворного историографа Ростиславичей упомянул о посылке только к одному Давиду, но наличие на сборном пункте „иных помочей“ свидетельствует о том, что горячий патриотический призыв Святослава не был тщетен. Лаврентьевская летопись не оставляет никаких сомнений в том, что „Златое слово“ не было только словом: „А князь Святослав посла по сыны свое и по все князи. И собращася к нему к Киеву и выступиша к Каневу. Половци же услышавше всю землю Русскую идуще, бежаше за Дон“ (Лавр. Лет., 1186 г.).⁷¹

Эта точка зрения нашла отражение в книге Б. А. Рыбакова «„Слово о полку Игореве“ и его современники». Приведу несколько цитат из этой книги. «Далее в полном согласии с исторической действительностью лета 1185 года идет знаменитое обращение Святослава ко всем русским князьям».⁷² «В „Слове о полку Игореве“ есть торжественное обращение ко всем русским князьям, с которыми, быть может, Святослав сговаривался и ранее по поводу большого летнего похода, но к Давиду автор обращался от имени Святослава крайне сдержанно».⁷³ «[Далее идет] главная часть, ради которой все и было написано, — „златое слово“ Святослава, своими доблестными делами подтвердившего свое право возглавлять общерусские военные силы».⁷⁴ «Итак, „золотое слово“ — это облеченное в поэтическую форму дипломатическое обращение великого князя с просьбой оказать помощь Игорю...».⁷⁵

В книге «Русские летописцы и автор „Слова о полку Игореве“» Б. А. Рыбаков меняет свою прежнюю, вполне обоснованную точку зрения и пишет: «Обращение к русским князьям начинается „златым словом“ самого Святослава и незаметно переходит в авторский текст поэта, который идет как продолжение его речи, как призывы с соизволения „великого и грозного“ Святослава».⁷⁶ «Святослав в поэме — удобная центральная фигура пользующегося уважением старого князя, от имени которого можно обратиться ко всем другим князьям».⁷⁷

В последней по времени книге Б. А. Рыбакова «Петр Бориславич: Поиск автора „Слова о полку Игореве“» высказана третья точка зрения.

⁷¹ Рыбаков Б. А. Князь Святослав Всеволодович (ок. 1125—1194 гг.) (Опыт исторической характеристики) // Материалы и исследования по археологии древнерусских городов. М.; Л., 1949. Т. 1. С. 98.

⁷² Рыбаков Б. А. «Слово о полку Игореве» и его современники. С. 259.

⁷³ Там же. С. 260.

⁷⁴ Там же. С. 280.

⁷⁵ Там же. С. 281.

⁷⁶ Рыбаков Б. А. Русские летописцы и автор «Слова о полку Игореве». С. 497.

⁷⁷ Там же. С. 501.

Исследователь пишет: «На этом упреке Ярославу, по-видимому, кончается „златое слово“, преподнесенное нам Автором как личное выступление Святослава от первого лица... Далее следуют безличные призывы к князьям, которые нельзя считать прямым и непосредственным продолжением „златого слова“». ⁷⁸ «Призывы расположены в речи автора и грамматически построены так, что, с одной стороны, они как бы продолжают „златое слово“ и связаны с майским наездом Кончака, а с другой стороны, они явно нацелены на предстоящие воинские труды... Призывы к общей боевой готовности выражены не от имени Святослава... Здесь... дважды употреблено слово „господин“. Само собой разумеется, что царь Руси, великий князь киевский, не мог так обращаться к другим князьям, низшим по положению и генеалогическим расчетам. Вообще, князь к князю не обращался в такой форме. Эта форма могла быть применена боярином или от имени боярства, боярской думы. Мало вероятно, что знаменитые призывы следует расценивать как обращение Автора лично от своего имени. Грамматических данных для этого нет. Мне кажется, что призывы — это некое обобщенное пожелание, поэтическое воплощение каких-то юридических общих решений или дипломатических обращений к недавним союзникам». ⁷⁹ Во-первых, ученый отрицает здесь то, что призывы звучат от имени Святослава. Но отрицает Б. А. Рыбаков и то, что призывы произносит сам автор. По его мнению, безличные призывы звучат от имени боярской думы, как поэтическое воплощение каких-то юридических общих решений или дипломатических обращений.

* * *

Перейдем теперь к следующей части нашего исследования. Приведем аргументы в пользу включения призывов к князьям в «злато слово» Святослава, используя и ранее высказанные наблюдения.

1. Прежде всего, у нас нет ни малейших оснований обрывать «злато слово» Святослава перед обращением к князьям. Автор объявил о начале речи своего героя и перед призывами к князьям никоим образом не дал знать, что эта речь закончена. На это указывали А. С. Шишков в 1805 г. и А. П. Комлев и К. К. Белокуров в 1985 г.

2. Во-вторых, следует вспомнить аргумент Б. А. Рыбакова, высказанный им в 1949 г. Историк указал на то, что в повести о походе Игоря, включенной в Ипатьевскую летопись, есть параллель не только первой части «злата слова» — упрекам Святослава в адрес Игоря и Всеволода, но и второй части «злата слова» — обращению к князьям. Хотя в летописи прямой речью оформлено только обращение к Давыду, но при этом сказано о том, что были и «иные помочи». Это свидетельствует о том, что и к другим князьям обращался Святослав за помощью, что именно Святослав Киевский выступил организатором обороны южнорусских земель от половецкого нашествия летом 1185 г. Основываясь на этих летописных сведениях, автор «Слова» создает речь великого киевского князя Святослава, защитника Русской земли. В этой речи объединены летописная речь Святослава, произнесенная им после получения известий о поражении Игоря (первая часть «злата слова»), и «посольские» речи Святослава, примером которых служит в летописи обращение к Давыду. Е. В. Барсов справедливо указывал, что «злато слово» — это такой же художественный прием автора, как и «сон Святослава», использованный им для выражения своих политиче-

⁷⁸ Рыбаков Б. А. Петр Бориславич. С. 119.

⁷⁹ Там же. С. 121.

ских взглядов, которые в поэтическом произведении принято выражать через своих героев, «и потому для него не представлялось надобности отделять воззвание к князьям о помощи от предшествующей речи Святослава».⁸⁰ Действительно, если бы автор намеревался высказать свои взгляды, свои раздумья от первого лица, он написал бы нечто подобное «Слову о князьях», в котором высказаны те же идеи, что и в «Слове о полку Игореве», но в жанре ораторской прозы.

По мнению Б. А. Рыбакова, автор произносит призывы как бы от имени Святослава, с его соизволения, по словам В. В. Каллаша — «при виде изнемогающего и отчаивающегося князя у поэта невольно вырывается ряд восклицаний и обращений к князьям, на которых мог и должен был рассчитывать Святослав». Ни та, ни другая интерпретация не может быть признана удовлетворительной. Точка зрения Каллаша игнорирует то, что в летописи к Давыду обращается с призывом сам Святослав. Почему же автор «Слова», во всем следующий за летописью, вдруг «лишает слова» Святослава и принимает на себя роль полководца? А «изнемогающим и отчаивающимся» Святослава делают именно «окоротители» «злата слова» (выражение А. П. Комлева и К. К. Белокурова), исключаящие из его речи обращения к князьям. Точка же зрения Рыбакова не учитывает того, что, по остроумному замечанию Комлева и Белокурова, «в художественной литературе прямая речь чаще оформляется противоположно — не автор выступает от имени своего героя, а устами героя произносятся авторские мысли».⁸¹

3. Исследователи не придают должного значения тому, что прямая речь Святослава названа «словом», т. е. отнесена им к ораторскому жанру, к жанру красноречия, что предполагает как раз публицистическую речь, обращенную к определенной аудитории и содержащую определенный призыв. Именно эта речь Святослава, оформленная как произведение ораторского жанра, «слово», дала основание автору «Слова о полку Игореве» назвать свое произведение «словом», наряду с определениями его как «песнь» и «повесть». «Слово о полку Игореве» сочетает в себе особенности двух устных жанров — дружинной песни-повести о военных походах и «слова» — публицистической речи. Это далеко не единственный случай слияния жанра «слова» с другим жанром в одном произведении. Вспомним, например, «Слово о житии великого князя Дмитрия Ивановича», в котором совмещен жанр жития с жанром «похвального слова».

4. Е. В. Барсов вслед за А. Н. Майковым (см. примеч. 85) справедливо указывал на оценочный характер эпитета «злато», характеризующий «слово» Святослава: «Художественный такт автора не мог назвать золотым словом одних упреков и разочарований в устах Святослава... В означенных упреках нет ни особенно золотых слов, ни золотых мыслей».⁸² Н. К. Гудзий пытался оспорить этот аргумент Барсова, названный им иронично «эстетическим». По его мнению, «злато» означает в данном случае просто «княжеский». Однако в «Слове» приводится несколько княжеских речей, и при этом только единственный раз употреблен эпитет «злато». «Формулой „злато слово“ задана действительная незаурядность, значимость речи Святослава, — пишут А. П. Комлев и К. К. Белокуров,

⁸⁰ Барсов Е В «Слово о полку Игореве» как художественный памятник Киевской дружинной Руси М., 1889 Т 2 С 47

⁸¹ Комлев А П, Белокуров К К «Слово о полку Игореве» С 173

⁸² Барсов Е В «Слово о полку Игореве» как художественный памятник Киевской дружинной Руси Т 2 С 47

подметившие то, что оценочный характер эпитета «злато» прекрасно чувствуют и сторонники Гудзия. — Литература вступила в противоречие с историей, и исследователи решили спор, казалось бы, в пользу истории, однако литература тоже умеет за себя постоять! — формула „злато слово“ оказалась слишком действенной, из восприятия она уже не упускается, вот и путешествует по статьям и пособиям странное наименование этой части (обращения к князьям. — Л. С.) — „золотое слово“, только не Святослава, а непонятно чье (вопреки прямому авторскому указанию)».⁸³

5. Рассказ в эпическом тоне о походах Святослава на половцев и сон Святослава с последующим толкованием бояр (ни того, ни другого нет в летописи!) служат преамбулой именно к *публицистической* речи Святослава, включающей обращения к князьям. Рассказ о победоносных походах Святослава, которыми ему удалось «притомить поганых», рисует полководческий талант старого сокола⁸⁴ Святослава, его способность возглавлять русские полки в борьбе против половцев как при походах в землю Половецкую, так и при обороне Русской земли от половецкого нашествия. «Государственный» сон Святослава, в котором Святославу свыше дается знать о происшедшем, показывает его старейшиной Ольговичей, великим князем киевским, ответственным за безопасность южнорусских земель, Русской земли в узком смысле слова: Киевского, Черниговского, Новгород-Северского, Переяславского княжеств. Этими двумя фрагментами обосновывается право Святослава (как полководца, призванного возглавлять оборону южных границ Русской земли) на «злато слово», на обращения к князьям. Если не включать в «злато слово» обращений к князьям, то два эти фрагмента о Святославе, созданные автором (напомню — их нет в летописи!), висают в воздухе, в таком случае они выглядят великолепным порталом, ведущим к жалкой хижине — слезным упрекам и сожалениям беспомощного, растерянного, бездействующего Святослава. А образ «бездействующего» Святослава вступает в прямое противоречие с исторической правдой: воинская повесть о походе Игоря в составе Ипатьевской летописи изображает Святослава организатором обороны южнорусских земель от половцев летом 1185 г.

6. Исследователи, включавшие в «злато слово» Святослава только второй фрагмент (укоры Святослава в адрес Игоря и Всеволода), обосновывали это тем, что только этому фрагменту есть параллель в повести о походе Игоря Ипатьевской летописи. Однако лишь 8 строк второго фрагмента (в издании В. И. Стеллецкого 1965 г. — строки 270—277) действительно соответствуют летописной речи Святослава, а остальные 18 строк (со слов «А уже не вижду власти...») созданы непосредственно автором «Слова» и при этом тесно связаны по содержанию с третьим фрагментом (призывами к князьям). Таким образом, второй и третий фрагменты составляют единое целое. В чем состоит связь двух указанных фрагментов?

Во-первых, Святослав говорит о своем желании и возможностях возглавить оборону Русской земли от половцев. Поэтому логично считать, что именно он, в соответствии с летописью, и призывает князей «вступить в злато стремя» под его началом.

⁸³ Комлев А. П., Белокуров К. К. «Слово о полку Игореве». С. 172.

⁸⁴ Обоснование такого толкования выражения «соколь въ мытэхъ» см.: Соколова Л. В. «Соколь въ мытэхъ» // ТОДРЛ. СПб., 1996. Т. 50. С. 454—465.

Во-вторых, обращения к князьям «Владимирова племени» являются развитием слов Святослава о «непособии» князей.⁸⁵ Святослав, исполненный боли за Русскую землю и возмущенный равнодушием князей, проносит «золотые слова», исполненные упреков князьям, завуалированных в пышную хвалу, призывая их «вступить в злато стремя» за Русскую землю, отомстить за поражение Игоря. Именно к ним, врагам Ольговичей — Мономашичам и их союзнику — Ярославу Галицкому, обращены призывы Святослава, на что обратил внимание Б. А. Рыбаков. Выстраивая обращения к ним с учетом поколенного старшинства, Святослав прежде всего обращается к старейшине «Владимирова племени», «великому князю» Всеволоду, представляющему пятое колено от Владимира I («старого Владимира!»), затем к князьям шестого колена от Владимира, «старшим» князьям — Рюрику, Давыду и Ярославу Галицкому, именуя их «господами», т. е. сюзеренами, крупными феодалами, имеющими вассалов, затем к «младшим», удельным князьям (просто «князьям») и к княжичам-Мстиславичам, которые поименованы обобщенно, по отчеству, как «не имеющие» еще своих княжеских имен. Все они — представители седьмого колена от Владимира: Роман Мстиславич, его двоюродные братья Мстислав, Ингварь и Всеволод Ярославичи, и троюродные братья Романа, Мстислава, Ингваря и Всеволода — три Мстиславича, сыновья Мстислава Храброго.

В-третьих, как уже отмечали исследователи, обращение к князьям, начинающееся с обращения к Всеволоду, следует за упоминанием его племянника Владимира, раненного смертельными ранами в своем Переяславле. Тем самым в подтексте обращения к Всеволоду содержится упрек в том, что он не только Киев не спешит «постеречь», как обещал, но и защитить одного из князей «Владимирова племени», старейшиной которого является.

7. Наконец, еще одно соображение в пользу включения призывов к князьям в «злато слово» Святослава. Исследователи не ответили однозначно на вопрос: когда, в какой обстановке и с какой целью произносятся призывы? Существуют такие варианты ответа. а) Святослав произносит эти призывы сразу после получения известий о нашествии половцев, организуя защиту Русской земли; б) призывы звучат в ситуации нашествия половцев летом 1185 г., но произносит их за Святослава автор «Слова»; в) призывы звучат от имени самого автора уже после окончания нашествия, они не обусловлены конкретной ситуацией лета 1185 г. Призывы к совместной обороне Русской земли были, по словам Рыбакова, актуальны весь XII в.

Сразу уточним: «Слово» создано уже после того, как половецкое нашествие закончено (автор сожалеет о том, что сражение русских князей с половцами не состоялось, говоря о стягах Рюрика и Давыда, реющих в разные стороны), после того, как Игорь вернулся из плена (об этом автор повествует), и даже после того, как Владимир с женой вернулся из плена (это ясно из разговора Гзака и Кончака). Следовательно, нельзя рассматривать «Слово о полку Игореве» как «агитационное» произведе-

⁸⁵ Эту мысль высказывал еще А. Майков «Он (автор — Л. С.) торжественно открывает речь Святослава, назвав ее златым словом, со слезами смешанным Где же эти золотые слова? В том, что оставляют за Святославом, не более как жалоба на Всеволода и Игоря да сетование на свою старость Воззвание же проникнуто тем духом любви к Русской земле, чувством народного единства, в чем и есть задушевная мысль певца, его идеал того, что бы должно делать князьям и чего они не делают Это-то воззвание и можно назвать золотым словом, слезами окропленным, и все оно логически вытекает из капитальной мысли князя мне не помога!»; см. Майков А. Н. Слово о полку Игореве С. 557

ние, созданное с целью призвать князей к защите Русской земли от половцев летом 1185 г.

Остается два варианта: либо призывы произносит, согласно авторскому замыслу, Святослав летом 1185 г., либо их произносит автор литературного произведения, и в таком случае они не привязаны к конкретной ситуации, а носят абстрактный характер. Второй вариант не выдерживает критики. «Слово» создано после возвращения Владимира из плена, т. е. после 1188 г. А Ярослав Галицкий умер в 1187 г. Следовательно, сам автор не мог обращаться к князьям, ибо в этом случае придется допустить, что он обращался к умершему князю. На основании этих рассуждений мы должны признать, что обращения к князьям включены автором в «злато слово» Святослава, произнесенное им, по авторскому замыслу, на боярской думе летом 1185 г.

* * *

Для того чтобы высказанная точка зрения была более наглядной, предлагаем свою интерпретацию «злата слова» в его полном составе.

Вторая часть «Слова о полку Игореве», являющаяся композиционным и идейным центром произведения, полностью посвящена вопросу безопасности Русской земли, защите ее от иноземных врагов. Ради этой центральной части и писалось все произведение. Автор «Слова» подчеркивает здесь единство Русской земли, возрождая почти утраченное широкое значение этого термина: Русская земля в тех границах, которые очерчены в «Слове о погибели Русской земли». Указывая на внешних врагов Руси — волжские болгары на востоке, половцы на юге, «дунайцы» и угорский король на западе, «хинова» (финно-угорские и литовско-латышские племена) на севере, автор «Слова» как раз и подчеркивает единство той территории, которая внутри этих границ. Поэтому и о Полоцком княжестве он говорит (уже от своего имени) в этой центральной части «Слова»; жизнь (достояние) Всеслава — это часть Русской земли, безопасностью ее границ автор обеспокоен так же, как безопасностью южных границ Руси. Опасность и в том и в другом случае автор видит в междоусобицах и несогласии русских князей, позволяющих врагам безнаказанно разорять Русскую землю.

Обеспокоенность за южнорусские земли автор вкладывает в уста великого киевского князя Святослава. Две трети второй, центральной, части «Слова» посвящено описанию «боярской думы» Святослава.⁸⁶ Это художественный прием автора, художественный вымысел, созданный на основе сообщений о Святославе летописной повести о походе Игоря (упреки в адрес Игоря и Всеволода и призыв к Давыду).

«Боярская дума», заседающая в резиденции киевского князя Святослава «в Киеве на горах», начинается с речи Святослава. Он рассказывает боярам о своем вещем сне. Это «государственный» сон, который снится Святославу

⁸⁶ Абсолютно прав Б. А. Рыбаков: «Едва ли эти речи (князя Святослава и киевских бояр. — Л. С.) стоит рассматривать как простую беседу у постели проснувшегося князя. Мне этот раздел представляется поэтизированным описанием заседания боярской думы при великом князе». См.: Рыбаков Б. А. Петр Бориславич. С. 116—117. О том, что сон Святослава обсуждается на боярской думе, еще раньше, в 1976 г., писал Д. С. Лихачев (см. ниже примеч. 88), а еще раньше Е. В. Барсов отмечал, что свое «злато слово» Святослав произносит на боярской думе: «По своему внутреннему смыслу и значению, Слово это было дорого не только для боярской Думы, его слушавшей, но и для всей Киевской Руси...». См.: Барсов Е. В. «Слово о полку Игореве» как художественный памятник Киевской дружинной Руси. Т. 2. С. 44.

как князю киевскому и главе Ольговичей.⁸⁷ Не случайно он обсуждается на «думе».⁸⁸ Этим сном Святославу мистическим путем дается знать о том, что случилось в Русской земле по вине его вассалов. Сон «мутный», каким и полагается быть вещему сну, его толкуют мудрые бояре, рассказывая о тех событиях, о которых на символическом языке сновидений сообщает сон.

После этого и произносит Святослав на боярской думе свое «злато слово», государственную по значению публицистическую речь, созданную в жанре ораторского произведения. В ней он обращается вначале к Ольговичам, а затем к Мономашичам. И к тем, и к другим Святослав обращается заочно, это риторические обращения. О том, что это не передача «посольских речей», свидетельствует хотя бы то, что в одном обращении объединены князья разных княжеств (например, последнее обращение адресовано сразу пяти князьям).

О чем же говорит Святослав в своем «золотом» великокняжеском «слове»?

Как уже сказано, первая строфа «злата слова» соответствует летописной речи Святослава. Сравним эти тексты.

Ипатьевская летопись: «Святослав же, то слышавъ и вельми воздохнувъ, утеръ слезъ своих и рече: „О люба моя братья и сыновъ, и мужъ земль Рускоѹ! Дал ми Богъ притомити поганяя, но, не воздержавше уности, отвориша ворота на Русьскую землю. Воля Господня да будетъ о всемъ. Да како жаль ми бяшетъ на Игоря, тако нынѣ жалую болми по Игорѣ, братъ моемъ“».⁸⁹

«Слово»:

«Тогда великий Святславъ изрони злато слово,
Слезами смѣшено, и рече:
О моя сыновчя, Игорю и Всеволоде!
Рано еста начала Половецкую землю мечи цвѣлити,
А себѣ славы искати.
Нѣ нечестно одолѣсте,
Нечестно бо кровь поганую пролиясте.
Ваю храбрая сердца въ жестоцемъ харалузѣ скована,
А въ буети закалена;
Се ли створисте моей сребреней сѣдинѣ!».

В отличие от летописи, в «Слове» Святослав только укоряет своих вассалов, здесь нет выражения жалости, сочувствия к ним, как и покорности Божьей воле.

Вторая строфа «злата слова», параллели которой уже нет в летописи, содержит, по мнению Д. С. Лихачева, упрек по адресу Ярослава Черниговского. Возможно, однако, что Святослав упрекает Ярослава не в том, что он не сдержал своих вассалов,⁹⁰ а в том, что сам не выступил вместе

⁸⁷ Соколова Л. В. Сон Святослава // Энциклопедия «Слова о полку Игореве». В 5 т СПб., 1995. Т. 5. С. 30—39.

⁸⁸ Д. С. Лихачев пишет: «О церемониальном характере обсуждения сна Святослава Киевского в боярской думе как будто бы свидетельствует и то обстоятельство, что сон свой Святослав видел „в Киевѣ на горахъ“, то есть в церемониальном положении. Это почти „официальный“ сон, требующий своего церемониального обсуждения в боярской думе». См.: Лихачев Д. С. «Слово о полку Игореве» и эстетические представления его времени. С. 63.

⁸⁹ Ипатьевская летопись. Стб. 645.

⁹⁰ Д. С. Лихачев пишет: «Смысл этого места следующий: „Не вижу я уже у власти и вашего феодального главы — могучего Ярослава Черниговского с его многочисленными помощниками“. Упрек здесь, следовательно, направлен отчасти и по адресу Ярослава — князя могучего, но не сумевшего сдержать своих подручных князей». См.: Лихачев Д. С. Комментарий исторический и географический. С. 434.

с ними в поход со всеми своими многочисленными воинами, в том, что он не проявляет «власти», т. е. своего могущества. Указание на силу, богатство, многочисленное войско Ярослава («А уже не вижду власти сильного, и богатаго, и многовои брата моего Ярослава») имеет смысл только в этом случае. Упрек этот, по словам И. П. Еремина, «исторически вполне достоверен: Ярослав Всеволодович принадлежал к числу тех князей, которые весьма неохотно откликались на всякого рода призывы принять участие в объединенном походе на „поганья“. Ипатьевская летопись в этом отношении достаточно выразительно его характеризует».⁹¹ Надо сказать, что упрек Ярославу Черниговскому смягчен, поскольку за перечислением его воинов вновь идет упрек Игорю и Всеволоду: это они якобы отказались от участия в их походе многочисленных полков Ярослава, не желая ни с кем делить славу:

«Нъ рекосте Мужаимъся сами,
Преднюю славу сами похитимъ,
А заднюю ся сами подѣлимъ»

Перечисляя «воинов» Ярослава Черниговского, автор приводит не названия тюркских племен, «этнони́мы», как полагали некоторые исследователи, а титулы кову́йской знати.⁹² «были» — это вельможа, бояре, являвшиеся «могутами» (мудрыми посланниками) и «татранами» (опытными советниками), т. е. членами старшей дружины; «шельбиры» (вероятно, из тюрк. «челеби» — титул старшего сына феодала; вообще: господин, благородный, боярин) и «топчаки» (вероятно, от тюрк. «тепчек» — наследник, младший сын, наследующий после отца) — это титулы их сыновей, «реву́гы» (почетное хвалебное прозвище болгарского князя, употребляемое вместе с титулом «хан», означающее «молодец, богатырь», возможно, «человек-бык»; ср. «буй-тур Всеволоду») и «ольберы» (почетный титул турок — «богатырь, герой») — это входящие в титул хвалебные прозвища знатных кову́йских воевод. Еще Ф. Е. Корш справедливо заметил: «Что былями называются кову́йские старшины, весьма вероятно, как и то, что могуты, татраны, шельбиры, топчаки, реву́ги и ольберы были частями этого имени».⁹³

Автор иронизирует по поводу черниговских полков Ярослава: здесь нет простых воинов, младших дружинников, это все знатные кову́йские вельможи; они побеждают не на поле боя, сражаясь со щитами и засапожниками, а только на словах, «кликомъ плѣкы побѣждають»,⁹⁴ «звонячи въ прадѣдную славу», т. е. похваляясь славой предков. Разумеется, это намек на вину ковуев в поражении Игоря: полк ковуев первым дрог-

⁹¹ Еремин И. П. «Слово о полку Игореве» как памятник политического красноречия Киевской Руси С 98—99 См здесь подобранные Ереминым примеры уклонения Ярослава от походов или сражений с половцами в 1170, 1183, 1184—1185, 1187 и других годах

⁹² Нам представляется верной точка зрения ориенталиста С. Е. Малова, который видел в перечислении воинов Ярослава Черниговского «перечисления титулов, чинов или, скорее, прозвищ высоких лиц из тюрков» См Малов С. Е. Тюркизмы в языке «Слова о полку Игореве» // Изв. АН СССР, Отд-ние литературы и языка 1946 Т. 5, № 2 С. 130 и след. Эта точка зрения поддержана многими исследователями, в том числе В. И. Стеллецким, О. В. Твороговым и др. При указании значений перечисленных тюркизмов использованы данные «Словаря-справочника „Слова о полку Игореве“»

⁹³ Корш Ф. Е. Турецкие элементы в языке «Слова о полку Игореве» // ИОРЯС 1903 Т. 8, кн. 4 С. 39

⁹⁴ Интересно сравнить это выражение с характеристикой подготовки к бою русских и половцев: русские перегородили поле красными щитами, а половцы, как и другие, «свои поганые», т. е. ковуи, — «кликом»

нул и побежал с поля боя, нарушив строй Игоревых полков, а сам Игорь, пытаясь вернуть их, отъехал слишком далеко от своих и был пленен, в результате чего полки были оставлены без предводителя. Свой выпад против тюркских отрядов в русских дружинах, против «своих поганых» автор продолжит устами Святослава в обращении к Роману.

В третьей строфе Святослав заявляет о своей готовности возглавить русские войска и с горечью говорит о том, что князя не разделяют его озабоченности безопасностью границ Русской земли. Этот упрек Святослава адресован как «своим», Ольговичам (и проявившим своеволие князьям-вассалам, и не проявившему своего могущества Ярославу Черниговскому), так и «чужим», князьям «Владимирова племени». В отличие от Ольговичей, *поспешивших* на брань, Мономашичи не спешат постеречь Русскую землю, занятые другими заботами. В этом — главный упрек всему гнезду Мономашичей, развиваемый в каждом конкретном обращении к ним во второй части «злата слова». Таким образом, фраза о «непособии» князей соединяет воедино первую и вторую части «злата слова», одна из которых обращена к Ольговичам, а другая — к Мономашичам.

Обращение к князьям «Владимирова племени», идущее после упоминания одного из князей этого племени, Владимира Переяславского, начинается с обращения к их старейшине — Всеволоду Суздальскому. Н. С. Демкова отметила иронический характер пышной похвалы в адрес Всеволода.⁹⁵ Действительно, Святослав соблазняет его богатым полоном, в результате чего рабы и рабыни будут стоить баснословно дешево; это, а не озабоченность безопасностью Русской земли может побудить Всеволода прийти к южным границам Русской земли. По мнению Н. С. Демковой, гиперболизация мощи Всеволода тоже носит иронический характер, ибо невозможно Волгу веслами расплескать, а Дон шеломами вычерпать; как напоминал Даниил Заточник, «ни моря уполовником вылить, ни чашею бо моря расчерпати».⁹⁶

Отмечали исследователи и упреки, высказанные Святославом Всеволоду. Фразой «Не мыслию ти прелетѣти издалеча отня злата стола поблюсти!» (т. е. *не в помыслах* следует прилететь) Святослав упрекает Всеволода в том, что он не держит данного в 1183 г. обещания прислать свои войска в случае необходимости: он не участвовал в походах на половцев 1183—1184 гг.; Святослав уверен, что Всеволод не «прилетит» и теперь, несмотря на то что половцы разоряют землю его родного племянника, князя-Мономашича Владимира Переяславского, а сам он изранен. Укор содержится и в упоминании «удалых сынов Глебовых», из-за которых в 1180—1181 гг. была большая котора между Святославом и Всеволодом, т. е. между Мономашичами и Ольговичами. Рязанская земля входила в поле влияния Ольговичей, вероятно, и потому, что рязанские князья-Глебовичи были правнуками Ярослава, родного брата Олега Гориславича. Ольговичи не смогли «отстоять» рязанских князей, и в 1180 г. Всеволод подчинил их, сделав своими вассалами. В походе на волжских болгар Всеволод, как живыми шереширами (зажигательными снарядами, выпускаемыми из катапульта), стрелял Глебовичами при битве у Великого города, столицы болгар (в летописи упоминается о том, что какие-то

⁹⁵ Н. С. Демкова пишет: «Представление о том благоденствии, которое ждет Южную Русь, если в Киев придет северный владыка, носит насмешливый характер: оно не реально, ибо автор не допускает мысли («не мыслию ти прилетети...»), что Всеволод обеспокоился о судьбах Киева». См.: Демкова Н. С. К вопросу о времени написания «Слова о полку Игореве». С. 76.

⁹⁶ Там же.

«князи молодѣи» были посланы к воротам осажденного города). Упрек Всеволоду при упоминании Глебовичей вполне оправдан. Продолжая политику своего брата, Андрея Боголюбского, порвавшего с Киевом и обосновавшего новый центр Руси на севере, Всеволод стремился расширить свои владения. Осуждение вызывало то, что Всеволод расширял свои земли не за счет «внешних» земель, находящихся за пределами Русской земли, а за счет русских княжеств, в том числе покушаясь на Рязанское, Новгород-Северское и другие русские княжества.

Укоризненный характер обращения к Всеволоду был хорошо понятен не только современникам. В XVI в. авторы «Степенной книги», как показал Д. Н. Альшиц, создавая Шестую ступень, посвященную великому князю Всеволоду Георгиевичу, считают необходимым полемизировать с автором «Слова», изображая Всеволода непосредственным организатором обороны Русской земли летом 1185 г., не упоминая при этом Святослава Киевского.⁹⁷

Рюрик и Давыд Ростиславичи объединены в одном обращении к ним. Следует согласиться с Б. А. Рыбаковым, что здесь вспоминается единственное за много лет их предыдущее совместное выступление в поход. Это было в 1177 г., когда оба должны были отразить набег половцев. Давыд промедлил, и половцы, взяв 6 городов, разгромили дружины обоих князей, захватили в плен много русских бояр. Автор «Слова» говорит о плавающих в крови золотых княжеских шлемах Рюрика и Давыда и о раненных калеными стрелами половецкими дружинниками князей: «Не ваю ли злачены (испр., в «Слове» — «злачеными». — Л. С.) шеломы по крови плаваша? Не ваю ли храбрая дружина рыкають, аky тури, ранены саблями калеными на полѣ незнаемъ?». Прав Рыбаков и в том, что здесь не восхваление князей, а напоминание об их поражении, когда шлемы князей плавали в обильно пролитой крови русских воинов.⁹⁸ Не случайно поэтому Святослав призывает Рюрика и Давыда «вступить в злат стремя» не только «за землю Русскую, за раны Игоревы», как других князей, но еще и «за обиду сего времени», т. е. за обиду, нанесенную им половцами.⁹⁹

В конце второй части «Слова» автор с горечью говорит о несостоявшемся сражении с половцами из-за несогласия князей и указывает при этом на Рюрика и Давыда, чьи «хоботы» (конские хвосты на знаменах, бунчуки) развеваются в разные стороны и копыя поют не в унисон. В том, что русские князья не дали бой половцам и упустили их с русским полоном, виноват был, как и в 1177 г., Давыд, он возвратился от Киева в Смоленск; прождав его, упустили половцев и другие русские князья. Отношение Святослава к Давыду было очевидно еще в 1177 г., когда он требовал от киевского князя Ростислава наказания провинившегося князя («А Давыд виноват!»). Но Рюрик назван с Давыдом в одном обращении, и тем самым вина Давыда как бы возлагается на обоих братьев. Подоб-

⁹⁷ Альшиц Д. Н. Легенда о Всеволоде — политический отклик XVI в. на «Слово о полку Игореве» // ТОДРЛ. Л., 1958. Т. 14. С. 64—70.

⁹⁸ Б. А. Рыбаков пишет: «Исследователи „Слова о полку Игореве“ почему-то считали, что здесь речь идет о восхвалении закаленных в боях дружин этих двух князей. Но автор „Слова“ пишет только о шлемах, плавающих в крови, и о ранах... Здесь скорее укор и сожаление, чем похвала». См.: Рыбаков Б. А. «Слово о полку Игореве» и его современники. С. 92—93.

⁹⁹ Д. С. Лихачев считает, что выражение «за обиду сего времени» означает здесь обиду «не какого-либо из князей, а обиду общую, обиду этого (нашего) времени». См.: Лихачев Д. С. Исторический и политический кругозор автора «Слова о полку Игореве». С. 38—39.

но тому как вину Игоря разделяют Ярослав и сам Святослав, вину Давыда разделяет его брат Рюрик.¹⁰⁰

Ярослав Галицкий (союзник Мономашичей, но при этом отец Ярославны, жены Игоря Святославича), чье могущество не подвергается сомнению, упрекает Святослава в том, что он «открывает Киеву врата» и «стреляет салтанов за землями», тогда как необходимо стрелять не салтанов в далеких землях, а врага Руси — Кончака, поганого кощея, *закрывать* от него врата Киева.

Обращение к Роману и Мстиславу — самое большое по объему, и, видимо, не случайно. Роман и Мстислав — единственные среди перечисленных Мономашичей, которые не принимали участия на стороне Всеволода в усобице 1180—1181 гг., а в событиях 1195 г. Ольговичи были союзниками Романа, он приводил их на Рюрика, отнявшего у Романа выделенные ему ранее черноклобуцкие города, и даже намеревался посадить на старейшинство в Киеве Ярослава Черниговского. Поскольку отнятые у Романа города были переданы Рюриком Всеволоду, то Роман, естественно, был в ссоре и со старейшиной Мономашичей.

Однако ироничный, даже насмешливый тон отличает обращение автора и к Роману. Автор метафорично говорит о дерзких замыслах Романа и Мстислава, мысль которых, подобно соколу, собирающемуся «в буйстве» напасть на птицу, парит в поднебесье, но тут же снижает, дегероизирует образы Романа и Мстислава упоминанием о «железных паворзах» «латинских» шлемов их воинов¹⁰¹ — ремешках, удерживавших шлем на голове, укрепленных железными пластинками.¹⁰² Не случайно это чтение смущало О. В. Творогова, видевшего в этом фрагменте панегирик Роману и Мстиславу.¹⁰³

В обращении к Роману упоминаются «многие страны», склонившие головы под харалужными мечами Романа и его дружины, в издании «Слова» 1967 г.¹⁰⁴ этот отрывок выглядит так: «...и многие страны — Хинова, Литва, Ятвязи, Деремела и половцы — сулицы свои повръгоша, а

¹⁰⁰ Мы не можем согласиться по этому поводу с Б. А. Рыбаковым, который пишет «В призыве к Рюрику и Давыду Автор напоминает о темном прошлом Давыда, допустившего по своей оплошности вторжение половцев на Правобережье Днепра. Невозможно слушатели вспоминают и трусливое бегство Давыда в мае—июне этого года, когда он обнажил стратегически важную переправу (брод через Днепр) близ Треполя. Не задают ли эти настойчивые (хотя и предельно краткие) напоминания чести великого князя Рюрика? Нет, не задают. Все слушавшие „Слово“ очень хорошо знали и то, что в 1176 году Рюрик хорошо воевал и осуждал брата за непонятную небрежность, и то, что в 1185 году Рюрик форсировал Днепр, шел на помощь Владимиру Переяславскому и опоздал отрезать путь Кончаку только из-за дезертирства брата.» См. Рыбаков Б. А. Петр Бориславич С. 128. Автор осуждает обоих братьев, всех князей вообще за несогласие, которые, разобщенность действий.

¹⁰¹ По всей вероятности, во фразе «Суть бо у ваю желъзныи паворзи подъ шеломи латинскими» пропущено слово «вои», должно быть «у ваю вои». Поскольку во всех обращениях речь идет и о князьях, и об их дружинах, здесь тоже вначале речь идет о Романах, а затем о его дружинниках, от которых «тресну земля» и под мечами которых враги склонили головы. Иначе выходит, что земля загремела от ремешков под шлемами *двух князей*.

¹⁰² Принимаем конъектуру Ю. М. Лотмана (паворзи вместо папорзи), прекрасно обоснованную как с палеографической, так и со смысловой точек зрения. Паворозъ — привязь боевого оружия шлема, меча, сабли и т. д. См. Лотман Ю. М. О слове «папорзи» в «Слове о полку Игореве» // ТОДРЛ М., Л., 1958. Т. 14. С. 37—40.

¹⁰³ Характеризуя конъектуру Ю. М. Лотмана как обоснованную палеографически, О. В. Творогов замечает «Однако конъектура эта все же недостаточно объясняет текст. В первых, в обобщенной картине могущества волынского князя и его брата не слишком ли незначительная деталь — вид завязок под шлемами? Во-вторых, неясной оказывается в этом случае следующая фраза „Тѣми тресну земля“» См. Слово о полку Игореве Л., 1967. Примечания С. 510.

¹⁰⁴ Там же С. 52.

главы своя подклониша подъ тьи мечи харалужный». По нашему мнению, первоначально в этом фрагменте упоминались только северные племена, враждебные славянам; «и половцы» — позднейшее добавление, о чем подробнее будет сказано далее. Загадочное «Хинова» — собирательное существительное от «хины» — финны. Вс. Миллер, высказавший точку зрения, что «хинова» — это старинное русское имя финнов в форме собирательной, отметил обычную для русского языка замену *ф* на *х* и наименование сказителями Олонецкого края Финской земли «Хинской землей».¹⁰⁵ Вероятно, «хин» у Г. Р. Державина в «Оде на взятие Измаила» также означает «финн», так как упомянут между пруссом и шведами: «Поляк, турк, перс, прус, хин и шведы / Тому примеры могут дать».¹⁰⁶ «Хинова» — это северная, балтийская группа финно-угорских племен, к которым относились финны, эсты (чудь), ливы, карелы, вепсы, воть К «хинови» причисляли, вероятно, и прусско-литовско-латышские племена (жмудь, литва, ятвяги, латгалы, корсь, пруссы), хотя они относятся к другой языковой группе — балтийской группе индо-европейских языков. По словам Б. А. Рыбакова, «история знает множество примеров того, что имя одного народа распространяется на ряд других (гунны, татары и др.)» Греки, например, называли «скифами» гуннов, готов, славян, в том числе балтийских, болгар, алан; славяне названы в одном источнике «гетами», потому что они приходили из «гетской пустыни» (между Дунаем и Днестром).¹⁰⁷ «Хинова» в «Слове» — это, очевидно, племена, жившие на побережье Балтийского моря, в частности, чудь (эсты) и литовско-латышские племена, от которых, по словам С. М. Соловьева, «доставалось много» Волынскому, Туровскому, Полоцкому и Новгородскому княжествам.¹⁰⁸ Именно им, северным врагам Руси — чуди и литве, и придали смелости южные враги Руси, половцы («и великое буйство подасть хинови»), которые, победив Игоревы полки, «прострошася по Рускои земли». «Хиновская стрѣлки», которые ветер «мычет» на воинов Игоря, — это, вероятно, стрелы, изготовленные для половцев финнами, считавшимися искусными деревообделочниками и кузнецами.

«И половцы» — явно позднейшее добавление одного из переписчиков, проявившего свое знание о громких победах Романа над половцами в 1197—1198 гг., о которых не мог говорить Святослав в 1185 г. в своем «злате слове». Упоминание в «Слове» среди покоренных народов половцев невозможно по двум причинам. Во-первых, о половцах нельзя было сказать, что они склонили головы под Романовы мечи, что означало покориться воле победителя, тем более в 1185 г., в момент произнесения Святославом «злата слова». Во-вторых, в обращениях ко всем князьям речь идет о том, что они забыли о южных врагах Руси — половцах, поскольку заняты «другими погаными»: Всеволод (на востоке) — борьбой с волжскими болгарами, Ярослав Галицкий (на западе) противостоит венгерскому королю и «Дунаю», под которым, вероятно, имелись в виду болгары, Роман же (на севере) занят усмирением Литвы. А к борьбе с половцами он как раз призывается: воспевая победы Романа над северными врагами Руси, Святослав говорит ему: «Донъ ти, княже, кличетъ и зоветь князи на побѣду».

¹⁰⁵ Миллер В. Ф. Хинова «Слова о полку Игореве» // ИОРЯС 1914 Т. 19 С. 110—118

¹⁰⁶ Цит. по Словарь-справочник «Слова о полку Игореве» Л., 1984 Вып. 6 С. 120

¹⁰⁷ Рыбаков Б. А. Киевская Русь и русские княжества XII—XIII вв. С. 29, 52

¹⁰⁸ Соловьев С. М. Соч. М., 1988 Кн. 2, т. 3—4 С. 38

Нельзя не заметить, что, говоря о *многих* странах, склонивших головы под мечом Романа, автор использует ряд названий, в котором последующее к предыдущему относится как видовое к родовому понятию: деремела, как убедительно полагал Г. А. Ильинский, с которым согласился А. В. Соловьев и В. Т. Пашуто, — это одна из южных волостей ятвяжской земли,¹⁰⁹ граничившая с Волынской землей Романа, ятвяги же — это одно из литовских племен, литовские племена в свою очередь — часть «хинови». Таким образом, в перечислении покоренных врагов Романа очевидна гипербола, граничащая с иронией. Вероятно, основанием для «восхваления» Романа послужили его столкновения с деремелой, чьи земли граничили с Волынским княжеством.

Обращаясь к Роману, Святослав призывает его к защите южных границ Руси потому, что Игорь в плену («Игорю утрьпѣ солнци свѣтъ»), его храброго полка не воскресить, а «по Руси и по Сули гради подѣлиши». По словам О. В. Творогова, эта фраза «может быть понята лишь в самом общем смысле: ни о каких захватах половцами городов на Руси во время событий 1185 [года] летопись не сообщает, и, судя по летописному рассказу, Кончак вообще не переправлялся через Днепр».¹¹⁰

Речь здесь идет, конечно же, не о половцах. Автор намекает на то, что после разгрома Игоревых дружин оказались широко раскрыты ворота на Русь на Левобережье Днепра: дружины Игоря разбиты, а дружины тюрков, призванные защищать южные границы Русской земли,¹¹¹ — не в счет, они обеспокоены не этим, а *дележом русских городов* на пограничных реках: правобережной Руси и левобережной Суле. Напомню иронический тон автора при описании тюркских отрядов (ковуев) Ярослава Черниговского. Эта позиция Святослава по поводу Черных Клобуков в «Слове» полностью соответствует тому, что мы знаем из Ипатьевской летописи. Осенью 1190 г. Святослав по доносу захватил знаменитого хана Черных Клобуков Кунтувдея. Рюрик уговорил Святослава отпустить его, но оскорбленный хан ушел в половцы, «поча их водити» против Руси. Весной 1191 г. торческие бояре говорили Рюрику: «Святослав... ныне до нас не добр про Кунтувдея». Зимой 1191 г. Кунтувдей пришел на берега Руси, но набег был отражен. В 1192 г. Черные Клобуки отказались повиноваться Святославу, не захотев «ехати за Днепр», ссылаясь на то, что среди половцев много их сватов. Рюрик пригласил опального Кунтувдея и дал ему город на р. Руси, чем сразу успокоил и торков, и половцев.¹¹² В некрологе Рюрика летописец специально подчеркнул его добрые отношения с Черными Клобуками, как, впрочем, и при сообщении о вступлении его на киевский престол, тем самым противопоставляя его позицию позиции Святослава.

Понятно, что тема «своих поганых», тема раздачи им городов в Посулии и Поросье не случайно затронута в обращении к Роману. Из-за городов Черных Клобуков разгорелась в 1195 г. многолетняя вражда Романа с Рюриком. Вероятно, Святослав считал защиту Русской земли

¹⁰⁹ См.: Соловьев А. В. Политический кругозор автора «Слова о полку Игореве». С. 101—102; Пашуто В. Т. Образование литовского государства. М., 1959. С. 29.

¹¹⁰ Творогов О. В. Рось // Энциклопедия «Слова о полку Игореве»: В 5 т. СПб., 1995. Т. 4. С. 240.

¹¹¹ «Черниговские князья, подобно своим киевским соседям, организовали специальный заслон из тюркских племен — ковуев, выполнявших здесь ту же роль, что на Правобережье Черные Клобуки». См.: Рыбаков Б. А. «Слово о полку Игореве» и его современники. С. 165.

¹¹² См. об этом: Там же. С. 286.

тюркскими племенами неэффективной, поскольку «у них с половцами язык один».¹¹³ И эта позиция Святослава отражена автором в обращении к князьям, вложенном в уста Святослава.

Адресатами последнего обращения Святослава являются родные братья упомянутого в предыдущем обращении Мстислава — волынские князья Ингварь и Всеволод Ярославичи и их троюродные братья — «все три Мстиславичи», сыновья Мстислава Храброго, молодые княжичи: Мстислав, Давыд, Владимир. В обращении к ним подчеркивается знатность их рода, законность их владений, но также и то, что сами они еще никак себя не проявили: «Где же ваши золотые шлемы, и сулицы ляцкие, и щиты?» — спрашивает их Святослав и призывает «загородить полю во-рота».

Автор «Слова» вовсе не случайно упоминает «латинские» шлемы воинов Романа и «ляцкие» сулицы Ингваря и Всеволода, тоже волынских князей. Он намекает на тесную связь волынских князей с Польшей. «Польские силы не раз помогают волынским князьям в их борьбе против киевских или галицких князей, — пишет А. Е. Пресняков. — Еще в 80-х годах XI в. Владислав-Герман поддерживает Ярополка Изяславича против Всеволода Ярославича киевского, а в 90-х годах Болеслав Кривоустый подымается на помощь Ярославу Святополчичу против Мономаха. Изяслав Мстиславич в борьбе с Юрием Долгоруким и Владимиром Галицким ищет союза польских князей, женив сына на сестре Казимира Справедливого и выдав дочь за его брата Мешка Старого. И этот волыньско-польский союз держится в течение трех поколений, продолжаясь при Мстиславе Изяславиче и Романе Мстиславиче. Мстислав в неудачные годы уходит „в ляхи“, во время борьбы за Киев „снимается с ляхи“. Часто обращается к ним за помощью и Роман, как в борьбе за Киев, так и в первых же покушениях своих на Галицкое княжество».¹¹⁴ Добавим, что Мстислав Изяславич был женат на польской княжне Агнессе, дочери Болеслава III (Кривоустого), которая и была матерью Романа Мстиславича. Д. С. Лихачев, который привел в своем исследовании цитату из «Лекций по русской истории» А. Е. Преснякова, пишет далее: «Отношения Волыни с Польшей были сложнее, чем простая помощь Польши волынским князьям. В их основе, в конечном счете, лежали притязания польских королей на Волынь».¹¹⁵ Автор «Слова», противопоставивший русских князей внешним врагам, не мог не упрекнуть и волынских князей в союзе с «ляхами».

Итак, в обращениях к князьям-Мономашичам названы представители различных колен этого рода, начиная со «старейшины» — Всеволода и кончая княжичами-Мстиславичами (5-е, 6-е, 7-е колено от Владимира Святославича). Анализ текста «злата слова» показывает, что все обращения к Мономашичам содержат не только упреки в «непособии», но и иронические замечания в их адрес; автор использует прием иронической похвалы. Ни в одном из них Святослав не видит князя, готового и способного встать на защиту Русской земли от половцев.

¹¹³ Согласно В. Н. Татищеву (скорее всего, это художественный вымысел историка), Всеволод Суздальский объяснял свое нежелание использовать половцев для похода на Волжскую Болгарию тем, что «они с болгары язык и род един, опасаяся от них измены...». См.: Татищев В. Н. История Российская. Т. 3. С. 128.

¹¹⁴ Пресняков А. Е. Лекции по русской истории. М., 1939. Т. 2, вып. 1. С. 23—24. Цит. по: Лихачев Д. С. Исторический и политический кругозор автора «Слова о полку Игореве». С. 49.

¹¹⁵ Там же. С. 49.

Таким образом, «злато слово» рисует безрадостную картину. Князья-Ольговичи не могут выступить против половцев, ибо находятся в плену у этих самых половцев. Дружины тюрков, находящиеся на службе у киевского и черниговского князей, наемные «пограничные войска» — ненадежные защитники, озабоченные вовсе не безопасностью Русской земли, а получением городов по пограничным рекам. Мало надежды и на все «Владимирово племя», представители которого заняты своими делами, «своими» врагами, и сердце их не болит за южнорусские земли. Вот почему в конце второй части автор, резюмируя, горестно восклицает: «О, стонати Руской земли, помянувшє пръвую годину и пръвых князей!». В отличие от Старого Владимира, прославившегося своими дальними походами, его потомки не смогли дать отпор половцам даже на своей земле из-за несогласованных действий, из-за равнодушия к судьбе «Русской земли».

В чем же видит выход автор «Слова о полку Игореве»? На кого он возлагает надежды? Ответ на этот вопрос дает, на наш взгляд, третья часть «Слова о полку Игореве», повествующая о возвращении из плена Игоря Святославича. Ему и двум другим Ольговичам, участникам похода, не случайно обещается слава в будущем. Игорь, прошедший плен-смерть, Игорь, осознавший свои ошибки, переживший катарсис, мыслится автором как помощник и преемник Святослава Киевского в деле защиты Южной Руси от половцев.

Все сказанное в статье свидетельствует, на наш взгляд, о том, что автор «Слова о полку Игореве» был сторонником не Мономашичей, как считает Б. А. Рыбаков, а Ольговичей.

* * *

В заключение сравним художественный образ Святослава Киевского «Слова о полку Игореве» с двумя другими художественными осмыслениями исторической фигуры великого киевского князя Святослава: в рассказе о походе Игоря владимирского летописного свода 1193 г. (дошел в составе Лаврентьевской летописи) и в повести о походе Игоря киевского летописного свода 1198 г. (дошел в составе Ипатьевской летописи).

Первоначальной была версия владимирского летописца, поскольку киевский летописец последовательно опровергает все обвинения владимирского летописца в адрес Ольговичей.¹¹⁶

В рассказе о походе Игоря владимирской летописи кратко говорится о том, как половцы, обманув Святослава, разграбили Левобережье: «А князь Святослав посла по сыны своѣ и по всѣ князи. И собращася к нему г Киеву, и выступиша г Каневу. Половцы же услышавше всю землю Рускую идущє, бѣжаша за Донѣ. Святослав же слышавъ ихъ бѣжавших, възвратися г Киеву со всею князьєю. И разыдошася в страны своя. Половцы же услышавше ихъ отшедших, гнаша отай к Переяславлю и взяша всѣ городы по Сулѣ и у Переяславля бишася весь день...».¹¹⁷ Как видим, Святослав иронически изображен здесь недальновидным стратегом, позволившим половцам обмануть себя.

Киевский летописец совершенно иначе рассказывает о тех же событиях лета 1185 г. Святослав, по этой версии, узнал о походе Игоря, воз-

¹¹⁶ На примере укоров в адрес Игоря и Всеволода это убедительно показала Н. С. Демкова. См.: Демкова Н. С. Проблемы изучения «Слова о полку Игореве» // Демкова Н. С. Средневековая русская литература: Поэтика, интерпретации, источники: Сб. статей. СПб., 1997. С. 47.

¹¹⁷ ПСРЛ. М., 1962. Т. 1. Стб. 399.

вращаясь из Корачева, куда ездил с целью подготовки летнего большого похода на половцев. О подготовке летнего похода говорится и в обращении Святослава к Давыду («рекли бяхомъ пойти на половци и лѣтовати на Донѣ»). Тем самым автор напоминает читателю и о предыдущих успешных походах Святослава, которыми, как он сам говорит в обращении к Давыду, ему удалось «притомити поганых». Все это подчеркивает полководческий талант Святослава, его заслуги в борьбе с половцами. Во-вторых, киевский летописец вкладывает в уста Святослава, узнавшего о поражении Игоря, прямую речь. В этой речи старейшина Ольговичей Святослав противопоставляет себя «молодым» князьям Ольговичам, которые, «не воздержавше уности, отвориша ворота на Русьскую землю». В-третьих, киевский летописец показывает Святослава предусмотрительным стратегом, который сразу после получения известия о поражении Игоря занялся обороной Русской земли от возможного нападения половцев (обращение к Давыду идет перед рассказом о нашествии половцев на Русь), тогда как во владимирской летописи Святослав созывает князей после прямой угрозы половцев, просивших выкуп: «И поиде путем гость, они же казаша рекуше: поидѣте по свою братью, али мы идем по свою братью к вам». В отличие от владимирской летописи, где сказано, что Святослав «посла по сыны своѣ и по всѣ князи», киевский летописец приводит только посольскую речь Святослава к Давыду Смоленскому с призывом: «А поеди постережи землѣ Руское». Лишь между прочим сообщается далее о том, что «придоша же ины помочи». Именно к Давыду Святослав, по воле автора повести, обращается вовсе не случайно. В 1177 г. во время нападения половцев на Русь Давыд опоздал («не притягл») защитить вверенный ему участок обороны, и это привело к захвату половцами шести пограничных берендейских городов. Святослав тогда обратился к киевскому князю с просьбой наказать Давыда, ссылаясь на «Романов ряд», предусматривавший лишение виновного князя волости, и констатируя: «А Давыд виноват!». Киевский летописец Святослава и теперь обвиняет Давыда, рассказывая о том, как Давыд не откликнулся на просьбу Владимира Переяславского, подкрепленную просьбой Святослава, прийти к Переяславу, а возвратился из-под Киева в Смоленск. Русские князья, напрасно прождав Давыда, «опоздишася и не заѣхаша их», позволив половцам, «ополонишася полоня», уйти «восвояся». Итак, киевский летописец снимает со Святослава обвинение в том, что по его вине русские князья не защитили Левобережье; вину за это он возложил на Давыда.

Автор «Слова о полку Игореве» знал обе версии событий 1185 г., на что он указывает в зачине произведения,¹¹⁸ но основывался при этом на версии киевского летописца (из владимирской летописи им взяты лишь отдельные детали: Тмуторокань как цель похода, сообщение о том, что русские были отрезаны от воды и томились от жажды, и др.). Автор «Слова», как и киевский летописец, сторонник Ольговичей. В целом их характеристики Святослава совпадают. Но если целью киевского летописца было оправдать Святослава, подчеркнуть его роль в борьбе с половцами, его полководческий талант, то в «Слове о полку Игореве» Святослав сам выступает с обвинениями в адрес князей, которые не помогают ему в борьбе с «погаными» половцами.

По мнению Д. С. Лихачева, Святослав Всеволодович в «Слове о полку Игореве» — «это обобщенный образ главы Русской земли, подоб-

¹¹⁸ См. об этом: Соколова Л. В. Две первые фразы «Слова о полку Игореве» // Исследования по древней и новой литературе. Л., 1987. С. 210—215.

ный образу Карла Великого в „Песне о Роланде“». ¹¹⁹ Автор имел на это право: Святослав Киевский был формально старейшиной русских князей.

Святослав действительно показан в духе европейской эпической традиции изображения феодала-патриарха, величественного, могучего и мудрого: он изображен «въ Киевѣ на горахъ», на золотом киевском столе, он «грозный и великий», старый и седой (согласно традиции изображения патриарха), т. е. мудрый и опытный. Подобно тому, как «седобородый Карл» противопоставлен своему вассалу, «молодому» Роланду, думающему прежде всего о своей рыцарской чести и славе, Святослав «в сребреной седине» противопоставлен своим «сыновцам», «молодым», «буйным» князьям, Игорю и Всеволоду, стремящимся к личной славе. Именно «седые» патриархи персонифицировали идею государственного или родового могущества и мудрости. Святослав Киевский — это князь-государственник; его походы на половцев продиктованы интересами безопасности Русской земли, стремлением «закрѣть ворота» на Русскую землю. «Злато слово» Святослава — это «государственная» публицистическая речь, обращенная как к Ольговичам, так и к Мономашичам, а сам Святослав «является... голосом истории, выразителем политического состояния Руси: за ним явно скрывается сам поэт». ¹²⁰

Однако в «золотом слове» Святослава отразился не только его статус киевского старейшины русских князей, ответственного за безопасность южнорусских земель, но и его принадлежность к одной из враждовавших ветвей княжеского рода. Святослав в «Слове о полку Игореве» — старейшина, «отец» Ольговичей: обращаясь к «своим», Ольговичам, он использует «семейную» терминологию межкняжеских отношений. Иронический, а то и саркастический тон в обращениях к Мономашичам также характеризует Святослава как одного из Ольговичей.

¹¹⁹ Лихачев Д. С. К статье А. Г. Кузьмина «Мнимая загадка Святослава Всеволодовича» // РЛ. 1969. № 3. С. 110.

¹²⁰ Белинский В. Г. Полн. собр. соч. М., 1954. Т. 5. С. 348. Цит. по: Березина В. Г. В. Г. Белинский и «Слово о полку Игореве» // РЛ. 1986. № 3. С. 148.